

Юрий Панов

По следу Чёрного Ворона

Роман - триллер

18+

Юрий Панов

По следу Чёрного Ворона

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Панов Ю. Г.

По следу Чёрного Ворона / Ю. Г. Панов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Следователь Веденеев попадает в мир прошлого. В этом случае его предок жрец Веденей, используя знания современности за счёт попутанца, с друзьями предпринимает необходимые меры, чтобы поход царя Дария оказался неудачным. Наличие множества загадок, образовавшихся в прошлом (например, клад царя Дария), порождает необходимость проведения детективного расследования следователем Веденеевым в настоящем времени, в которое он вернулся. О результатах этого расследования, борьбы добра со злом и любовной линии можно будет узнать, лишь прочитав триллер.

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Береста царя Дария	6
Глава 1. Странный больной	6
Глава 2. Веденей	10
Глава 3. Гонец Иданфирса	28
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Пролог

Балашовский район Саратовской области – это место, где когда-то в древности жил народ и повествование о том, как жили здесь несколько родов в истории этого древнего места, а также народа, проживавшего на этом месте и на который смотрел сверху эгрегор Рыси – хозяина этих мест. Он реагировал по-своему на то, что делают люди: закрывал глаза и плакал, когда люди покидали эти места, радовался – когда приходили, рычал, когда их убивали, был спокоен и довольно качал головой, когда всё шло нормально.

Всё началось 23 июля 1994 года. В ночь на 24 июля – день летнего солнцестояния и полнолуния. Звездопад Персеиды с 17 июля по 26 августа. Этот звездопад породила комета Свифта-Туттля, которая возвращается к Солнцу каждые 135 лет. Когда Земля пересекает этот след, видны падающие звёзды. В пике это 100-120 звёзд в час, а в 1994 году астрономы насчитывали больше тысячи звёзд в час. А вот «царским» этот звездопад называется потому, что метеоры Персеиды очень яркие и быстрые и достигают скорости 59 км/с, а также потому, что его радиант лежит в голове созвездия Персея.

В июле 1994 года осколки кометы с бешеной скоростью приблизились к Юпитеру и упали на него!..

Можно было бы и дальше сваливать ответственность за то, что происходит в Балашовском районе и всей нашей стране на Матушку-Природу, однако это было бы не справедливо.

Данный роман – предположение на тему о том, как на люди довели Матушку-Природу до того, что она сама начала им показывать, что нужно сделать...

Часть 1. Береста царя Дария

Глава 1. Странный больной

Июль 1994 года, г. Балашов.

Андрей не заметил, как оказался на высоком берегу реки Хопёр, после движения по тропинке от конца проспекта Космонавтов, образованной такими же любителями искупаться, как и он.

В голове у него занозой вертелась древняя легенда о жреце Веденее и царе персов Дарии, который напал на росичей. Её он ещё в детстве узнал из рассказа своего деда о том, откуда взялась у них в роду такая странная фамилия, и, если честно сказать, не придавал ей особого значения. Но, как оказалось, она, почему-то всплыла именно тогда, когда пришло время работать следователем прокуратуры.

Следует сказать честно, что и в старших классах школы и в юридическом институте, Андрей невольно больше, чем другие отдавал времени изучению древнейшей истории, чем вызывал некоторый смех и издёвки за его чудаковатость. Стараясь не отставать от всех при обучении в институте в остальных дисциплинах, Андрей упорно тратил время на чтение в библиотеке исторических книг вместо общения с женским полом. С другой стороны и молодые барышни сами не очень-то хотели иметь дело с юношей-очкариком, мозги которого повернуты в древнейшую историю.

Ещё больше он отстранился от своих товарищей, когда вдруг почувствовал тягу к археологическим ценностям, проводя свободное время в разного рода хранилищах и музеях, где были древние идолы, рисунки или остатки разных оберегов, особенно, если на них изображалось солнце. Изучение ведических ценностей ещё больше отдалило его от тех, с кем он учился, потому что полностью не соответствовало современным требованиям, которые устанавливались рыночной экономикой.

Тем не менее, считая необходимым знать всё, что потребуется для работы следователем, Андрей защитил диплом по данному направлению деятельности на «отлично» и был направлен в Балашовскую прокуратуру следователем.

Постепенно, доказывая своим сослуживцам то, что он хороший следователь на практике, не забывал и своё увлечение. Хотя в городе Балашове достать хоть какую-то информацию по древнейшей истории было трудно, но своё хобби не было им забыто. А когда летом этого года он столкнулся с кладоискательством, оно неожиданно вспыхнуло в голове разными цветами.

Вот и в этот раз от задержанного кладоискателя пришла информация о том, что где-то в этих краях зарыт клад царя Дария...

Удар по голове такой болью и вспышкой красного цвета отразился в глазах Андрея, что ноги его подкосились и он, видя, как почему-то вечернее небо полетело вверх, начал падать с горы, на которой стоял, рассматривая огромную дыру, сделанную очередным кладоискателем. Он ещё какое-то мгновение ощущал что-то, попавшее в руку, но затем всё закружилось перед глазами...

— Радка, хватит ногой мерять температуру воды! — услышала молодая симпатичная девушка, всё внимание которой почему-то оказалось сосредоточено на верхней части берега реки Хопёр.

— Да ладно тебе! — произнесла девушка в ответ и пальцем показала на горку. — Не поняла! Там что-то происходит... Точно! Ему нужна моя помощь!

Видя, как один из мужиков получает удар сзади палкой и падает вместе с частью оползня, она устремилась вверх. Вторая девушка, между тем, посмотрела на неё и повертела пальцем у виска. — Ты что, дура?

Рада, не успевшая раздеться для купания в реке Хопёр, устремилась туда, где лежал мужчина. Она не видела, как тот, другой, со злости так бросил палку на землю, что она переломилась и частями скатилась вниз, застряв где-то в траве.

Подбежав к мужчине, она тут же потрогала его пульс и, определив, что он бьётся, тут же начала звонить. — Скорая! Тут человек лежит без сознания... Где? Да на берегу... Там, где кончается проспект Космонавтов! Что заняты? Не скоро?

Но неожиданно на глаза ей рядом с плечом мужчины попала красная книжечка, открыв которую она прочитала тут же прочитала в телефон. — Это следователь прокуратуры Веденеев Андрей Сергеевич! Что? Выезжаете? Ну, это другое дело! Где вас ждать? Наверху? Да вы с ума сошли! Как я его дотащу? Он такой длинный... Что, ждать на месте? Ладно, поняла!

— Эх, Веденеев, Веденеев... — усевшись рядом с ним, она начала внимательно осматривать его шаг за шагом. Увидев, что он в правой руке сжимает какой-то предмет, даже не удивилась. Однако, спустя некоторое время этот предмет почему-то снова привлёк её внимание. — Это что-то круглое... Больше монеты раза в два... И лучи из серединки идут, только ломанные какие-то!

— Эй, внизу! — мужской голос сверху отвлёк её внимание на себя. — Это ты што-ли звонила в скорую?

— Ну, я! — вставая, крикнула в ответ Рада. — Это вы – скорая? Ну и чо стоите? Спускайтесь, да везите его в госпиталь!

— Ага... — крикнув в ответ, санитар тут же исчез, но через несколько минут с носилкой и товарищем появился вновь. — А почему в госпиталь?

— Да потому, что это старший лейтенант следователь Веденеев Андрей Сергеевич! — произнесла она в ответ санитарам, которые погрузили тело лежащего мужчины на носилки, и понесли вверх.

Рада, которая сопровождала его к санитарной машине, усмехнувшись, слушала с удивлением то, что бормотал странный больной.

— Советы... Воевода... Это наша родовая община Рысей... Это в ней есть старейшина и совет старейшин... Что это на мне? Белая холщовая рубаха... Такие же штаны... Мягкая кожаная обувь на ногах... Скажи, матушка, я накануне в совете или ещё где-то при старейшине говорил что-то нехорошее или оскорбительное в адрес старейшины? А может, нагадывал... Время пришло другое! Теперь старейшинам... Да и не только старейшинам! Многим не хочется знать то, о чём говорят руны...

Он вздохнул, а через некоторое время опять начал говорить какие-то странности.

— Ты... Кто? — прохрипел раненный не открывая глаз, спрашивая кого-то.

Рада, которая шла рядом с носилками, подумала, что это её он спрашивает.

— Рада... — ответила та, нахмутив брови и смутившись. — Молчал бы лучше! Нашёл время знакомиться...

Увидев, что из его руки выпал тот самый предмет, она подняла его.

— Вы, девушка, поедете с нами для оформления всех бумаг! — потребовал санитар, глядя на Раду.

Та только кивнула в ответ, залезая в машину вслед за раненым.

Выбежавший дежурный доктор местного госпиталя, только взглянул на раненного, как тут же крикнул, набежавшим отовсюду медработникам. — В операционную его! Срочно! Готовьтесь к операции!

А сам, подключившись к двум медсёстрам, начал помогать двигать каталку, в которую переложили Андрея, направляя её в операционную. Рядом с ним теперь почти бежала молодая

медсестра, доставшая листок с информацией и сообщала доктору полученную информацию о поступившем больном.

— Веденеев Андрей Сергеевич... — увернувшись от пробегающего мимо работника операционной, она пропустила каталку, потом снова догнала её и произнесла. — Старший лейтенант, из Балашовской прокуратуры, казак...

— Так-так... — усмехнулась Рада, шедшая рядом с ними и показала на круглый предмет. — Будем знакомы, Веденеев Андрей Сергеевич, старший лейтенант из Балашовской прокуратуры... Это-то когда тебе отдать?

Медсестра, махнув ей рукой, чтобы отстала, недовольно произнесла. — Ой, девушка! Не до ваших предметов нам сейчас! Видите, раненный без сознания!

И ещё быстрее начала двигать каталку. В какой-то миг она отвлеклась от больного, что позволило Раде быстро затолкнуть ему этот предмет за пазуху поближе к сердцу. Медсестра, закрывая за больным дверь операционной, укоризненно произнесла Раде. — А вам девушка, сюда нельзя!

— Нельзя... Нельзя... — возмущённо пробормотала Рада, прикладывая ухо к щели дверей. — А пока я не сказала, что это следователь, так вы и ехать не хотели!

— Кислород! — услышала она приказ доктора. — Начали!

— Доктор, он теряет сознание! — в чуть приоткрытую дверь услышала Рада...

— Ты только выживи, следователь... — произнесла Рада, которой почему-то раненный стал близким, вытирая выбежавшую из глаза слезу. — Прошу тебя, господи, помоги ему выжить!

— Всё же, молодец у меня матушка, хоть и имеет возраст Змеи... — вдруг произнёс больной, находясь в бессознательном состоянии и лежа на операционном столе. — И русые толстые волосы у тебя ещё крепкие, хорошие зубы, не плохая осанка, голос ясный, хоть и не зычный.

Доктор только головой покачал от удивления и восхищения больным.

— И говоришь ты четко, кратко и ясно, ничего не запутывая... — продолжил бормотать больной, радуя доктора, который приступил к операции, показывая медсёстрам, чтобы не обращали внимания на бормотание больного. — А ещё ты соблюдаешь заветы предков, четко выполняя свой долг жрицы русинов Рода Рысей...

— А скажи, матушка, воруют ли старейшины? — вдруг произнёс больной, не видя ухмылистую улыбку у медсестёр.

— Вот это да! У нас в Роду нет воровства?! Да не может того быть! Ведь у всех воруют, особенно, старейшины! И, как это ни странно, чем больше они своровывали, тем меньше им оказывалось наказание... — пробормотал он, не зная, что медсёстры согласно с его словами кивают головами.

— И взятки не берут? — сомнение, прозвучавшее в голосе больного, ещё больше раззадорило медсестёр. От желания услышать его ответ, одна из них чуть не прозевала момент выдачи доктору иглы для зашивания раны на голове.

— Что такое взятки? Ну, это когда кто-то, которому что-то сильно надо, старейшинам дает шкурки или деньги, чтобы разрешили делать то, что ему нужно... И мне, как жрецу Веденю? Нет, не давали, да и я сам не беру! — уже открыто улыбаясь, услышали они слова больного.

— Так-так... Что такое шкурки как средство платежа они знают, но про взятки слыхом не слыхивали?! Да как же вы, матушка, живёте? Всё по старинке, а, между тем, везде такие изменения! — молча медсёстры кивали головой.

Веденей замолчал, а обслуживающие его доктор и медсестры вздохнули с облегчением.

Когда вышел из операционной доктор, увидев Раду, дожидаящуюся результатов, только и сказал. — Не беспокойся, голубушка! Твой жрец Веденей жив и скоро поправится...

И Рада направилась к выходу...

А раненный, между тем, снова перенёсся в то странное время...

Глава 2. Веденей

1.

Конец мая 512 года до н.э. Род Рыси-росичей

Страх так сковал тело, что Веденей боли не почувствовал...

Неожиданно в душе послышались низкие звуки, вызывающие тревогу. Они пульсировали, смешиваясь с какой-то невероятной музыкой гуслей внутри Веденей, заставляя его всё больше и больше нервничать.

Откуда-то прямо перед ним появилось море. Чёрное небо над ним взволновалось: огромные тучи пришли в движение, нагоняя огромные волны на безмятежно стоящие валуны берега. Они бились о валуны и разлетались множеством брызг. Огромная красно-белая молния ударила в море, и тут же раздался гром, который ударил в уши, потрясая всё его существо.

Но вот на море вблизи у опасных скал видится корабль: его шторм несёт прямо на скалы.

Веденей вглядывается и видит четырёх человек, крепко держащихся на ограждение. Это трое женщин и один мужчина.

– Кто это? – хочет спросить Веденей у кого-то всезнающего и всемогущего. – И почему они здесь?

Словно желая помочь ему разобраться, кто-то всезнающий и всемогущий вдруг приблизил эту четвёрку так, что стали видны их лица.

– Рада? Апраксия? – удивлённо произносит он. – А вы-то как оказались на море в шторм и на корабле?

Так и не ответив себе на свои же вопросы, он вгляделся в лицо мужчины и при этом, чем больше вглядывался он, тем большее сходство находил с собой.

– Это я? Или не я? – и, чтобы разобраться, начал осматривать одежду. – Серая мантия? Да я никогда не носил такую и не собираюсь менять свою белую мантию на какую-то серую!

Веденей был потрясён до глубины души и на мгновение замер.

Но тут среди серых проблесков неба Веденей увидел Чёрного ворона, и в голове зазвучало:

– Чёрный ворон, чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься надо мной,
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой...

Словно подтверждая могущество Чёрного Ворона вдалеке Веденей увидел несколько кораблей, чёрными точками разбросанными по горизонту моря. Ощущение очень большой опасности вдруг вселилось в душу...

Меж тем корабль четвёрки наскочил на валун, едва видимый даже при небольшом волнении моря: корабль наклонился, и люди посыпались в море. Под свист шторма и грохот молний через высокие и убийственные волны, экипаж корабля и четвёрка как могли, так и добирались до берега.

Вот уже кто-то добрался до берега и помогает другим. Почему-то люди с корабля становятся всё ближе и ближе...

Вот Серый Веденей помогает своей подружке выходить на берег, а он сам – Раде. Апраксия рядом, пытается держаться за Раду. Апраксию и Раду он знает, а эти двое? Кто они? И почему тот, в сером, ему так знаком? Огромная волна обрушивается на них под свист ветра и грохот молний...

Сон резко обрывается, заставляя Веденей вскочить на кровати.

– Что это было? – но он и без ответа знает – это вещий сон. – Только про что это?

Веденей в безответной тревоге вышел на улицу: солнышко ласково всходило на горизонте и тревога понемногу начала исчезать. Только вопросы, так и оставшиеся без ответа ещё некоторое время беспокоили Веденя.

– Веденей, ты уже встал?

Голос матери Веденей узнал бы из тысячи голосов. Он повернулся и ответил. – Да, матушка!

– Веденей, сегодня у нас будет совет старейшин трёх родов. – Хлебослава подала Веденю полотенце и приготовилась поливать из кувшина чистой водой руки и лицо Веденя. – Меланхлены предлагают объединить их род, наш и эрзя, в одно племя. Ты не мог бы раскинуть руны? Что это нам даёт?

Веденей кивнул ей головой. – Хорошо, матушка! Но, будет лучше, если это сделают они сами, а я только буду их толковать!

– Давай сделаем так: мы предложим им два варианта, а они уж сами пускай выбирают! – слова Хлебославы были приняты им кивком головы.

А через некоторое время Веденей и Хлебослава вышли на берег реки Великой Вороны, протекающей по землям всех трёх родов, как бы объединяющей их, где в излюбленном для общения месте уже разместились старейшины.

Род меланхленов представляли старейшина– жрица, она же и хозяйка всех внутренних дел – Серапита и старейшина – воевода Арбуй с двумя дружинниками, охранявших их всю дорогу.

Род эрзя был представлен только старейшиной и жрицей Хурсан в самом расцвете лет, которая сама решала все проблемы рода эрзя, и её в дороге охранял всего один дружинник.

Род русичей Рыси представляла тоже одна женщина – старейшина по имени Бела, которая занималась всеми делами рода, кроме военных, однако, в распоряжении которой был воевода Войнята и целая дружина. Но в настоящий момент её сопровождение представляли жрецы – мать и сын, а так же Войнята с двумя дружинниками.

– Поскольку все заинтересованные лица уже прибыли, совет старейшин предлагаю начать! – Бела встала и рукой показала на представителей рода меланхленов. – Инициаторами совета были старейшины рода меланхленов. Им и даю слово!

Встала старейшина Серапита, и, оглядев присутствующих, начала излагать свою мысль.

– Количество нападений на наших людей, которые куда-либо едут по делам торговли или другим, в последние годы сильно увеличилось. Вырос и сам род, а земли плодородные у нас небольшие. Наблюдается отток мужчин из семей, так как у нас сейчас земля общая и делится между всеми поровну... – она вдохнула больше воздуха и произнесла. – Предлагаю родам меланхленов, эрзя и русичей Рыси объединиться в один соседский род, поскольку мы – соседи! Выбрать общего воеводу-князя, отдать в собственность не только дома, но и землю, а также средства производства!

Слово взяла старейшина Хурсан.

– Ну, у нас таких нападений немного... – произнесла Хурсан, пожав плечами. И добавила. – Да, род у нас молодой и небольшой, земель каждому хватает для выживания. А распределение земли у нас такое же. Не вижу нужды к объединению!

Слово взяла старейшина Бела.

– Мы сейчас обсуждаем свои текущие проблемы, а что это даст нам всем в будущем, не знаем! – и она посмотрела на Хлебославу и Веденя. – Давайте дадим возможность погадать нашему молодому жрецу Веденю, который в этом году вернулся из обучения за рекой Ра своим магическим практикам и заслужил звание белого мага. Пусть он выскажет своё толкование будущего!

Веденей встал и достал свой мешочек с рунами.

– Я предлагаю каждому из представителей рода вытащить из мешочка только одну руну! – произнёс молодой жрец. – Истолкование их знает каждая жрица, и попробуем выяснить, что же они нам говорят!

Первой опустила руку в мешочек жрица Серапита и вынула руну, выдохнув. – Иса! Я так и знала...

Арбуй недовольно поглядел на свою жрицу, закрывшую лицо руками, а потом на Веденей.

– Да, это руна Иса! – подтвердил Веденей, показывая её всем остальным. – Она говорит о том, что роду меланхленов, как и нам всем, не следует форсировать события, а ждать перемен. Нам необходимо выждать и выбрать одну цель, главную, на которой и необходимо сосредоточиться!

Жрицы, которые хорошо знали толкование рун, закивали головой, соглашаясь с Веденеем.

– Давайте посмотрим, что нам подскажут руны от рода эрзя! – и Веденей поднёс мешочек с рунами жрице Хурсан. Та с улыбкой опустила свою руку в мешочек и извлекла руну.

– Наутиз! – только и произнесла она, возвращая её Веденее.

Лица жриц сразу же стали сосредоточенными, а воеводы немедленно устремились глазами к Веденее.

– Так-так... – Веденей и сам призадумался. – Эта руна говорит нам, что, пока мы, каждый на своём месте, не разберёмся с какой-то важной потребностью, не осознаем её и не удовлетворим, бесполезно решать этот вопрос. Кроме того, помогая нам, руна надеется, что каждый из нас, оказавшись в сложных и жестоких условиях, будет проявлять сдержанность в поступках, эмоциях, привычках. Ресурсы будут только такие, чтобы выжить!

– Не слишком ли вы, меланхлены, хотите жить жирно? – неожиданно резко высказалась Хурсан. – У вас и торговля, и охота, и рыбалка процветают, а вам всё мало?!

Но Бела сделала знак успокоиться Хурсан и Арбуя, который даже вскочил от слов Хурсан с места, и занять свои места.

– Кто будет тянуть руну от русичей: Бела, Хлебослава или Войнята? – неожиданно разрядил обстановку Веденей. – Ведь до этого тянули руны жрицы. Может, вы не доверяете им? Поэтому и недовольны?

– Бела! – почти в голос произнесли Серапита, Арбуй и Хурсан.

– Ну, что же, Бела, так Бела! – и Веденей поднёс мешочек Беле, которая оттуда вытащила руну, взглянув на неё, Веденей объявил. – Альгиз!

– Ну, и что же нам светит? – в голосе Арбуя зазвучало разочарование: видя лица жриц, которые, несомненно, знали содержание руны.

– Нас всех ждёт какая-то очень большая опасность, столкновение с людьми, настроенными враждебно, я бы даже сказал – предательства, чтобы уклониться от агрессии, но и новая дружба...

– Может, наш молодой жрец попробует нам предсказать будущее, если мы сейчас объединимся сначала в соседский род, а потом, может, и в племя? – неожиданно произнесла жрица Хурсан, обращаясь к Веденее.

– Да! Просим! Просим! – заговорили все.

Веденей поклонился, неожиданно для всех сел в позу лотоса и замер.

Так продолжалось с минуту. Лица всех старейшин напряглись, Арбуй тревожно заёрзал на своём месте.

Неожиданно Веденей заговорил каким-то глухим низким гортанным голосом. – Наше будущее через две с половиной тысяч лет... Вижу улицы в городах полные машин. Деревни и посёлки стоят заброшены, люди оттуда ушли. Высоченные здания. Множество людей. Всюду торговцы, обман. Честь, совесть, справедливость растоптаны... Везде воровство! Любовь к

коллективному труду заменена рабским трудом на отдельных людей. Есть много бедных людей и мало, но очень богатых людей, в руках которых вся власть. Сплошная охота на природные ресурсы, их никто не бережёт! Всюду деньги, деньги, деньги! Всё время идут войны, войны, войны! Самые богатые люди – это те, кто у власти: они что хотят, то и делают! И к этому мы придём, если сначала объединимся в соседскую общину, потом в племя, а потом – в государство, у власти которого будут стоять люди, для которых простые люди – ничто...

Веденей замолчал. Вокруг стало тихо.

– Ну, и какой же вывод мы можем сделать из всего этого? – раздраженно заметил Арбуй. – Вы не хотите объединяться в соседскую общину?

– Старейшины! Давайте проголосуем. – произнесла Бела, обращаясь к старейшинам родов. – Кто за то, чтобы объединиться в соседскую общину, поднять руки?

Руку поднял только Арбуй.

– Кто против? – произнесла Бела.

Руки подняли Бела и Хурсан.

– Кто воздержался? – Бела смотрела на Серапиту. Та тут же подняла руку. Вдохнув воздуха, подвела итоги. – Итак, объединяться в соседский род в настоящее время рано, так как нас ждёт впереди какое-то очень важное событие и нам надо быть готовыми к нему!

Арбуй, недовольный таким решением, посмотрел на Серапиту и, не стесняясь никого, произнёс. – Серапита, а ты-то чего так проголосовала?

Хитрая Серапита, встав, спокойно ответила. – Ну, проголосовала бы я, как и ты. И чего? Всё одно: они объединяться в соседский род не намерены, вот чего!

Так и закончился этот очень важный для всех совет.

Старейшины разошлись и разъехались, а Веденей остался, так как потерял одну из рун, которую в спешке положил мимо мешочка. И, только обрадовался, найдя и положив в мешочек найденную руну, как кто-то сзади сильно ударил его по голове чем-то жестким.

Но при этом успел услышать Веденей чей-то знакомый голос. – Только я хотел наладить торговлю между родами... Да земельку нашу к рукам прибрать! Так нет же, какой-то грамотей не дал...

Всё в голове Веденей закружилось, и он оказался на земле, полностью отключившись от дел земных...

2.

Ощущение боли во всём теле заставило спасительную память вернуть Веденей в прошлое...

Невольно вспомнился тот год, когда ему было всего девять лет...

... Солнышко выглянуло из-за тучки, чтобы осветить правый берег Великой Вороны¹, на котором стадо коров мирно щипало травку. Сегодня честь быть помощником пастуха выпала ему, Веденею...

Огромный, как рыже-белая глыба, бык стоял перед ним и внимательно смотрел на него.

– Что, коза драная, смотришь на меня? – не зная почему, но Веденей как будто распирало что-то внутри. И в доказательство этого он высунул язык и, повертев им слева направо и назад, как делают козы, добавил. – Бе – е – е – е!

Как потом Веденей понял, этого делать было нельзя. Бык наклонил свою голову, ударил пару раз своими копытами по земле и, только увидев его налившиеся кровью глаза, кто-то самый умный в Веденее, дал ему команду. – Что стоишь, Веденей? Беги! Забодает до смерти!

И он, повернувшись, побежал. Дело происходило на горке, и бежать было легко. Но, как оказалось, не ему одному. Когда он повернул свою голову набок, то увидел, как рыже-белая глыба, своим копытами сотрясая землю, приближается к нему всё ближе и ближе.

¹ Великая Ворона – так называлась ранее река Хопёр.

Страх, возникший ниоткуда, заставил задрожать всё тело от носа до кончиков пальцев на ногах, которые ещё чувствовали землю. Из Веденеевой глотки тихо, но жестко вырвалось. – Ма-а-ма-а-а-а!

Тот, который в нём был самым умным, снова дал команду. – Давай быстрее! А то догонит!

Он уже не помнил, как быстро заработали ноги, но землю, почему-то перестал ощущать. Иногда ему казалось, что летит по воздуху. И это чувство было восхитительно, если бы...

По приближающемуся топоту ног быка он понял, что бык вот-вот догонит. Ни сил, ни возможности повернуть свою голову уже не было, и тот, который в Веденее был самым умным, дал команду. – Давай, беги, как можешь!

Приближающаяся стена ограды городка почему-то не смутила его, несмотря на то, что двери ворот были заперты, а высотой стена была около трёх метров. Просто тогда не было времени об этом думать.

Услышав топот быка, который стал ещё ближе и Веденей даже почувствовал его дыхание, тот, который в нём был самым умным, дал команду. – Вперёд!

Ему и времени-то подумать о том, что перед ним высокая стена, а сзади напирает огромная глыба разъяренного быка, не дали. Веденей просто закрыл глаза, нечаянно коснулся рукой своего оберега и подумал. – Эх, шаз бы на ту сторону!

Глухой удар головы быка сзади о что-то твёрдое он тут же услышал, и, поняв, что в нём всё цело и ничего не болит, открыл глаза. Повернувшись назад, тут же прильнул к щели. Прямо перед ним оказался красный от злости глаз быка, а его рога усердно бодали стену.

– Ну, что, взял? – это было Веденеево торжество над тем, кто хотел его забодать. – Бе-е-е-е!

Для большей убедительности он даже просунул язык в щель и начал им вертеть туда-сюда.

Бык просто озверел: взревев от обиды, что какой-то девятилетний пацан показывает ему, основателю стада коров, язык, и никак за это не наказан, он раз за разом бодал стену из брёвен, и плевался слюной, издавая обиженное мычание.

Показав быку на прощание ещё раз язык, Веденей с чувством исполненного долга повернулся и пошёл.

Однако в этот раз, уже подойдя к дверям дома, почему-то ему стало быка немного жалко. Но тот в нём, который был самым умным, не дремал, и, почувствовав, что он поостыл от схватки с быком, в которой победил с почётом, задал всего лишь один вопрос. – Скажи, а как ты умудрился оказаться на другой стороне стены?

Веденей даже передёрнуло. – Правда, а как?

Он повернулся и посмотрел на стену, за которой, мыча, удалялся к своим обиженный им бык. Постепенно к Веденее приходило нормальное мышление. – Странно, я как-то об этом не подумал! Я что, трёхметровую стену перепрыгнул?

Ощущение чего-то грандиозного перехватило дыхание, и Веденей даже закашлялся. Так захотелось похвастать своим достижением перед мальчишками.

– Ну, что, понял? – тот, который в нём был самым умным, уже издевался. – Не смеши меня! Ты, слабак, который не может канаву перепрыгнуть, и перепрыгнул через трёхметровый забор?! Да тебя даже соседи засмеют, не то, что твои враги!

И Веденей остановился... И, не понимая, что дальше делать, продолжил рассуждать сам с собой. – Действительно, как же это получилось?

– Ты, вот что... – это тот, который был в нём самым умным, тихим доходчивым голосом предложил. – А, может, ну его? Чего всем об этом рассказывать? Ну, получилось и получилось! Ты об этом знаешь, и хорошо! А остальным-то зачем это знать? Забудь про это! И всё!

– И, правда, зачем им знать? – непонятно как, но тихая умиротворённость вошла в голову Веденее. Повернувшись, уже твёрдо решил. – Никому об этом не скажу! Чтобы не смеялись!

А в нём так и поселился тот вопрос, который как волна то приходил, возбуждая интерес к странному событию, то уходил и не вспоминался...

Но больше всего Веденей обрадовало то, что в нём есть кто-то, с кем можно было поговорить, посоветоваться. Однако вместе с тем появились и другие вопросы, которые как гвоздь, казалось, были вбиты в мозг из-за того, что случилось. – Кто я? Почему во мне есть тот, с кем можно было посоветоваться, а другие ничего про это не говорят? И вообще, зачем я на этот свет родился?

Вот так, из-за какой-то стены и быка в Веденееву голову влезли эти вопросы, которые теперь ежедневно начали искать своего разрешения. Может, именно потому и пошёл он в ученики к Хлебославе, жрице своего рода и его матери, чтобы найти ответы на мучившие вопросы.

– Матушка, похоже, я опять сделал что-то неправильно... – через некоторое время начал Веденей, не зная, как сказать ей о том, что случилось. Но тот, который был в нём самый умный, тут же воскликнул. – Ты, что, дурак? Тебя ведь за это никто не погладит по головке!

Но Веденей уже решил. – Будь, что будет! Матушка должна знать правду!

– А почему ты здесь, а не со стадом? – удивлённо смотря на него, спросила она.

– Я быка раздражил... Вот и пришлось... – не придумав ничего нового, решил найти середину между решениями соврать и не соврать. – Убежать...

– Ну, что, испугался? Не сказал правду! – издевался тот, который был в нём самый умный. – Трусишка! Зайка серенький!

– Вот и не соврал! – почему-то вырвалось у Веденей, а Хлебослава взглянула на него с интересом.

– С кем это ты там разговариваешь? – подозревая что-то нечистое, спросила она. – И что не соврал?

– А то и не соврал, потому, как не знаю... – Веденей хотел объяснить это явление, но он не знал, как это сказать. Поэтому, махнув рукой на всё сразу, решил рассказать, как всё это получилось. – Я, спасаясь от быка, подбежал к стене... Думал, ну, всё! Щаз меня рогами и распорот... Всего-то и подумал: эх, щаз бы на ту сторону! Закрыв глаза и... Оказался там!

– Ты хочешь сказать, что перепрыгнул стену с закрытыми глазами? – в какой-то момент удивлению Хлебославы не было предела, но, вдруг, её глаза устремились на его странный оберег, и, улыбнувшись этому, она уже спокойно спросила. – И что?

– А то, что я не понимаю, как это можно сделать! – выпалил Веденей, хотя согласно и кивнул ей головой, раздражаясь от улыбки Хлебославы, да ещё от того, что тот, который был в нём самый умный, ехидно заключил. – Ну, что я тебе говорил?

– Я знала одного такого человека... – на глазах Хлебославы навернулись слёзы, а голос даже прервался. Но, справившись с собой, она тихо сказала. – Он тоже мог с закрытыми глазами перепрыгнуть через высокий забор...

– Вот это да! – удивлению Веденей не было предела. Даже хотелось сказать тому, который был в нём самый умный. – Ну, что? Съел?

– Ну вот, довёл до слёз свою матушку и доволен! – возразил тот, не отвечая на мой вопрос.

– Большой ты стал... – вернувшись из своих воспоминаний, вдруг произнесла она. – Может, когда-нибудь и расскажу... Береги свой амулет!

Но тут же спохватилась, вспомнив, что Веденей не выполнил свою работу на сегодня. – Возвращайся к пастуху и выполни то, что тебе поручено!

– Матушка! А как же бык? – от страха, что всё может повториться, Веденей даже съёжился.

– Что, страшно? – усмехнулась она. – А ты зачем быка-то дразнил?

– Хотел посмотреть, что будет потом... – честно признался он.

– Ну, и узнал? – хитро улыбаясь, произнесла она.

– Узнал... – вздохнув, признался он.

– Запомни: страх появляется тогда, когда ты думаешь о прошлом или о будущем! Не нужно было дразнить быка! – твердым голосом произнесла она и приказала. – А теперь иди и победи свой страх перед быком! Тогда и станешь мужчиной!

Веденей, опустив голову, повернулся и пошёл к стаду.

– Да-а-а... Видно время пришло... – как-то грустно усмехнулась Хлебослава, произнеся это тихо-тихо, но Веденей, почему-то услышал это.

– Ну, что я тебе говорил? – опять запел свою похоронную песню тот, который был в нём самый умный. – Не надо было всё рассказывать! А теперь и страх надо побороть свой...

Чего скрывать, Веденею было страшно, когда он поднимался к стаду, но, вспомнив то, что сказала матушка про страх, заставил себя ни о чём не думать.

– А я ему травки принесу! – неожиданно появившаяся мысль, заставила его улыбнуться. – За то, что обидел!

Сердце билось в груди, когда Веденей подходил к быку с охапкой свежей травы. Бык повернул к нему свою большую голову, посмотрел и отвернулся.

– Ты прости меня... Что обидел... – дрожащим голосом произнёс Веденей то, что тренировал всё это время.

Но бык повернул голову к Веденею и начал есть траву, которую тот ему принёс. В душе Веденей неожиданно даже запели соловьи, а на глазах выступили слёзы. – Простил! Простил... Он меня простил!

Веденей был счастлив...

– Точно! Время пришло... – произнесла Хлебослава, из ворот наблюдавшая за всем происходящим, и, улыбнувшись, добавила. – Молодец! Победил свой страх!

Однако к коровам с тех пор Веденей больше не допускали...

... Остров, образованный двумя рукавами Великой Вороны сегодня прямо с утра был многолюден – сюда собрались люди сразу с трёх племён, живших недалеко друг от друга, касаясь острова с разных сторон. И день был не простой, а первый день летнего солнцеворота, с которого начинался новый год.

И повод собраться был тоже хорош – кулачный бой!

И природа сама, как будто этого хотела: люди, образовавшие эллипс, разделившиеся в основном на две стороны, с удивлением смотрели на небо, на котором облака, как будто сговорившись с людьми, решили тоже устроить свой праздник – кулачный бой.

Смотрит Веденей на небо и удивляется: слева облака почему-то стали похожи на вытянутую руку, сжатую в кулак, а справа – собрались, скучились, готовясь отражать удар левых.

– Слушайте все! – послышался голос Войняты.

Веденей тут же повернулся к нему, так же как и все остальные.

– Праздник встречи Нового года считаю открытым!

Под шум аплодисментов Веденей посмотрел ещё раз на небо и видит, как скучившиеся облака придвинулись ближе к левым.

– Сегодня на наш праздник прибыли представители трёх ближайших соседних племён, с которыми мы дружим уже много лет! – произнёс Войнята и, набрав больше воздуха в лёгкие, произнёс. – По плану у нас сначала будет кулачный бой «Стенка на стенку», за ним песни и пляски!

И, как будто подчиняясь неписанному закону, люди разделились на две стороны: с одной стояли русичи, а с другой оказались меланхлены и эрзя.

– Вот и правильно! – крикнул Войнята и добавил. – По левую мою руку встать всем русичам, а по правую – меланхленам и эрзя!

Те, кто встал неправильно, тут же покинули свои места, переходя на другую сторону.

– Пока наши основные неженатые бойцы с разных сторон готовятся, давайте посмотрим мальчишеский кулачный бой! – произнёс Войнята и добавил. – На бой вызывается от русичей

Веденей! Ему девять летних солнцеворотов и первая битва! Его напарником будет Гродан от русичей: ему десять летних солнцеворотов и первый бой в жизни! Во вторую пару войдут... Азил от меланхленов! Ему двенадцать летних солнцеворотов и второй мальчишеский бой! Его напарником станет Азамасп от эрзя! Ему тоже двенадцать летних солнцеворотов и второй мальчишеский бой!

Он посмотрел на обе стороны и крикнул. – Итак, бойцы ко мне!

Услышав своё имя, Веденей вздрогнул от неожиданности, и почему-то поёжился. Тот, который в нём был самым умным, грустно произнёс. – Если честно, то никакого желания драться с кем – то у меня не было и нет! Но, надо идти...

Веденей с неохотой вышел из толпы своих соплеменников. Когда подошёл к центру, где стоял Войнята и трое бойцов, его поставили напротив крепкого парня из их рода по имени Гродан. Двух других тоже Войнята расставил друг против друга.

– Итак, поздоровайтесь! – приказал он, называя их.

Мальчишки протянули друг другу руки и пожали их.

– Сначала – подростки: Веденей против Гродана! Азил против Азамаспа! Напоминаю: бой только кулаками, выше пояса и до первой крови! Не разрешается бить лежащего или присевшего, а так же хватать за одежду! Задача каждой стороны обратить противника в бегство или заставить отступить! Стенка, проигравшая поле, считается побежденной! Поняли все?

Веденей и остальные мальчишки кивнули головами в знак согласия.

– Начали! – крикнул Войнята и махнул рукой сверху вниз, разрешая начать бою.

Веденей начал лихорадочно вспоминать то, что говорил ему Ратша на тренировках, и встал в стойку, широко поставив ноги и выдвинув левую ногу слегка вперёд. Тут как будто кто-то заставил его повернуться к Ратше, чтобы удостовериться, всё ли правильно он сделал.

– Колени! – неожиданно услышал он знакомый голос. – Слегка опустись в коленях!

– Ага, колени! – вспомнил он, и, кивнув брату головой, тут же слегка опустился в коленях: ноги словно вросли в землю.

Вдруг в нём что-то произошло. Он ещё видел искажённый голос Ратши, но время, словно то останавливалось, то шло, позволяя ему осмысливать происходящее и вспоминать наставления брата, а с другой стороны – меняться самому.

Вот лицо брата куда-то ушло, но боковое зрение тут же увидело искаженное злобой лицо того мальчишки, стоящего против него, а также и кулак, который медленно летел в челюсть Веденея. Но больше всего у него вызывало удивление то, что сам-то он при этом был спокоен!

– Защити голову левой рукой! – приказал кто-то совсем другой, не тот, что был самый умный внутри него, и он тут же, подчинившись неведомому командиру, поднял левую руку, согнув её так, что удар противника, пришедшийся по ней, начал скользить куда-то вниз. Боли при этом не было!

Увидев удивлённое и слегка обиженное лицо Гродана от того, что противник, как стоял, так и стоит, успев защититься от его удара, Веденей не испытал ничего, словно сердце его было из камня.

Но вот уже левая рука Гродана направилась в незащищённую челюсть Веденея.

– Защити челюсть правой рукой! – слышит он голос своего невидимого командира и тут же поднимает правую руку, согнув её так, чтобы образовался угол.

Удара он снова не ощутил, хотя, конечно, видел, как рука противника ударилась о преграду и начала опускаться вниз.

– Убью! – услышал он рёв быка-Гродана и удивился: быка-то на самом деле не было! Вместо него стоит разъярённый противник, лихорадочно искавший что-то в кармане на поясе.

– Ударь его с правой! – приказал внутренний командир. – Ты видишь, он не защищён с этой стороны!

– Не буду! – почему-то Веденей даже не узнал свой собственный голос, ставший хриплым.

– Бей его кулаком! – но и этот приказ ему не понравился. – Бей, приказываю!

И тут до него дошло, что приказ-то он должен выполнить в любом случае, но может это сделать по-своему. И, долго не раздумывая, Веденей бьёт противника правой рукой без размаха, но при этом разжал кулак и выдвинул вперёд тыльную сторону ладони, чтобы не травмировать противника.

Удар оказался настолько сильным, что Гродан отлетел на пару шагов. Веденей же при этом практически ничего не почувствовал.

– Неплохо! – хмыкнул внутренний командир и вдруг замолк.

В его голову неожиданно пришел откуда-то другой голос, голос того, что был самым умным. – Чего стоишь? Помоги человеку!

И Веденей подбежал к Гродану, который поднимался с земли. Искажённое проигрышем лицо противника появилось в сознании его лишь на мгновение, так как тут же он ощутил резкую боль в щеке и машинально прижал её правой рукой.

– Стоп! – приказ остановиться Веденей услышал как во сне и опустил руки: как потом оказалось, на его правой щеке тонкой струйкой текла кровь. – Гродан и Веденей вышли из боя!

И Веденей тут же, прижав руку к щеке, направился к Ратше, а Гродан пошёл к своим, раздражённо отталкивая протянутые руки.

Азамасп и Азил ещё долго бились, пока Войнята их не остановил и не объявил. – У подростков – ничья! Теперь мужики – «стенка на стенку», вперёд!

Веденей, конечно, видел, как зрители с двух сторон болели за своих. Они кричали, что-то, свистели, кто-то играл на дудочке, подбадривая бойцов. Обиды на противника у него не было: рана, закрытая листком подорожника перестала кровоточить, и скоро, как и все зрители, он начал болеть за своего брата Ратшу, против которого вышел такой же, как и он сам, молодой парень.

Иногда Веденей, конечно, морщился, вспоминая о ране и бое с Гроданом. Но, как-то незаметно для себя, устав от наблюдения за боем, он пошёл к озеру и уснул, присев к дереву. Проснулся уже вечером, когда праздник давно закончился.

Перейдя через луг к своим, тут же услышал от Хлебославы. – Горюшко моё! И драться то ты не можешь... Кем же ты хочешь быть?

– Жрецом! – улыбаясь, произнёс Веденей. – Как и ты, матушка... Чтобы помогать людям!

Она намазала чем-то зелёным рану и тихо произнесла. – Может гусяром тебе быть больше подойдёт? К знаниям ты охоч, вечно мурлыкаешь что-то себе под нос... Отправлю-ка я тебя к дядьке своему в школу жрецов!

Веденей же хмыкнул и кивнул утвердительно, чтобы отстала, и спокойно отправился спать, не особенно желая вспоминать то, о чём напоминала красная полоса в виде ящерицы на правой щеке.

3.

523 год до н.э. год Вола.Веденею 15 лет, Раде 9 лет. Река Ра.

Как-то незаметно в памяти его возник другой год...

... Лето. Пятнадцатилетний Веденей сидит на берегу реки Ра² и скучает по Великой Вороне. В душе музыка грустная: ему скучно. Уже шесть лет он учится в школе РАхвов³, но пока результатов хороших не наблюдается.

По реке простирается туман, скрывая противоположный берег реки.

Едва слышно набегает волна на берег и, булькая, убегает назад. В душе тихо играют гусли: грусть-тоска съедает душу Веденея. В голове его сами собой начинают складываться слова

² Река Ра – старинное название реки Волга

³ РАхвы – это жрецы, славящие Ра – солнце. ВОЛхвы – это жрецы, славящие Велеса.

песни, касающиеся реки, но какой, он и сам не знает. Он машинально берёт гусли и начинает произносить их, перебирая струны гуслей:

Разлилася, разлилась речка быстрая,
Серы камушки – это ж глазки мои,
Шелковая трава – это ж волос мой,
А речная вода – это ж кровь моя,
Ключевая вода – это ж слезы мои,

Отложив гусли, он вспоминает Хлебославу и брата. Ветра нет, облаков нет. Желтеет небо на восходе, синее небо над ним. Где-то недалеко гавкает собака. А он тихо сидит, и смотрит на воду, ни о чём не думая...

Появляются облака. Солнышко забирается в них, а в душу прокрадывается тревога. Ему пятнадцать лет, он уже шесть лет учится делу жрецов у арийского жреца Арда и пока больших результатов не обнаруживает.

Вспомнив, как внимательно рассматривал Ард амулет Веденей, в виде половины колеса, представляющего движущийся солнечный диск, проходящий по небосклону, но разделённый пополам, и неожиданно спросил Хлебославу. – А у кого вторая половинка амулета?

– Думаю, его уже нет в живых... – произнесла Хлебослава голосом скорби.

– Хорошо, а что ещё он может делать? – Ард внимательно посмотрел на своего нового ученика и засомневался в его способностях.

– Перепрыгивать через забор! – улыбаясь, Хлебослава добавила. – Если за ним гонится огромный бык!

– Ну, что ж, это уже хорошо... – усмехнулся Ард и, повернувшись к Веденей, добавил. – Веденей, ты принят в школу РАхвов!

Прощаясь с Веденеем и видя его слёзы, Хлебослава, обнимая, поцеловала его в лоб и сказала. – Я надеюсь на тебя! Не подведи!

... Глаза его снова устремились вдаль, а память, услужливо представив образ матушки Хлебославы, начала напоминать ему всё то, что он уже прошёл...

... Больше всего ему запомнилось первое упражнение...

– А чего ты хочешь, оно же первое! Потому и запоминается... – произнёс внутренний голос совести Веденей. – Да ещё как звучит первая ступень – «Леля-яга»!

– Не а, а потому что оно самое тяжёлое! – не согласился с первым голосом сам Веденей, точнее – голос его тела. – Тебя бы так: в полной темноте глубокой ночи нужно было устремить свой взгляд в любую сторону и представить, что за предмет там находится! Да ещё и описать его физические характеристики...

– Ну, смог же! – настаивал внутренний голос.

– Смог... – согласился Веденей. – Но сколько было тренировок?!

– А что, второе было труднее? – не унимался внутренний голос. – Никак не поверю. Ведь уже навык появился!

– Ага, появился... Только чего? – ехидничал Веденей. – Угадывать форму предмета в темноте? Нет, на этот раз это было развитие слуха!

– Так Веденей и так хорошо слышит! – хмыкнул внутренний голос.

– Но в этот раз всё нужно было делать наоборот: появляется звук, а ты должен представить, кому он принадлежит в полной темноте!

– Ну, это было уже проще, чем в первый раз! – произнёс внутренний голос. – И времени понадобилось на это меньше!

– Ладно, а что ты скажешь про развитие обоняния? – начал сердиться Веденей.

– А что? Сиди себе и угадывай, какие ароматы витают в воздухе!

– Ага, если тебе завязали глаза и заткнули уши! – хмыкнул Веденей и добавил. – Да ещё если подсунут в руки что-нибудь. И угадай! Да ещё и это опиши вслух!

– Подумаешь, проблема! – не сдавался внутренний голос. – Тем более в полном единении сам с собой. Ну, а ещё что тебе запомнилось ещё?

– А ещё как меня учили игре на гуслих и пению песен с напевами «ай, люли»! – чувствовалось, что Веденей начал млеть от удовольствия.

Веденей не заметил, как достал гусли и тихонько запел:

– Растопилася да банюшка,

Ай, разгорелася каменка,

Да и лю, ой, люли, ой, люли,

И разгорелася да каменка.

Как рассыпался бел земчуг,

Да не по атласу, да не по бархату,

Да и лю, ой, люли, ой, люли,

Да не по атласу, да не по бархату.

Как рассыпался бел земчуг

Да не по серебряному, не по блюдечку,

Да и лю, ой, люли, ой, люли,

Да не по серебряному, не по блюдечку.

– А астрология? – не унимался внутренний голос. – Что тебе не понравилась в астрологии?

– Запоминать надо много... – недовольно произнёс Веденей. – А Ард – то каков? Ведь знает, что запоминается очень плохо...

– Да, если тебя не заставлять, ты вообще учиться не станешь, лентяй несчастный! – ворчливо произнёс внутренний голос и добавил. – А как вторая ступень по Желя-яге? Понравилась?

– Да ничего... – Веденей неопределённо хмыкнул. – Знахарство там всякое... Учить надо много!

– Ну, хорошо, но по Таня-яге тебя Ард даже похвалил! – внутренний голос торжественно произнёс. – Как ты ему ответил на экзамене по природоведению?!

– Да, природоведение мне понравилось, ничего не скажу... – Веденей как-то даже возрадовался, но тут же сник. – А управление мыслями людей? Хорошо, хоть троечку получил!

– А Родегаст-яга тебе, что, не по нраву? – не унимался внутренний голос. – Это уже пятая ступень...

– Вот-вот! – грустно произнёс голос тела Веденей. – Впереди предвидение и чтение энергии...

– Ну и что, что в этом году сдавать... – бодрым голосом поддержал унывающего второго внутренний голос. – Пробьёмся! И не такое сдавали!

В душе Веденей почему-то заиграла дудочка, меняя его настроение: желтое солнышко выглянуло в проём между тучами, создавая надежду и рассеивая туман на реке. Иногда ему кажется, что он уже когда-то был в этих местах...

Тучи на горизонте окрашиваются в желтый цвет, а небо вокруг голубеет. Вверху над самой рекой появляется сокол, Он летит туда, где его мать и брат.

Веденей поднял руку и кистью помахал соколу. – Привет передавай маме и брату!

Незаметно солнышко поднялось так высоко, что исчезло с поля зрения. Стало светло. Музыка в душе как-то сама собой стихла.

Рядом кто-то сел. Поворачивать голову не хочется, но он знает, что это опять своенравная рыжеволосая девятилетняя дочь учителя по имени Рада.

– Хорошо хоть молчит.—произнёс внутренний голос в голове Веденей.

– Ну, вот чё ей надо? – вмешался голос тела Веденей. – Пристала, как банный лист!

Но девочка сидит и ничего не говорит: она тоже учится у Арда пению песен и грамоте, и знает, как это трудно.

– Пожалуй, ей труднее, чем тебе... – заключает внутренний голос Веденей, незаметно прокладывая дорогу к тому, чтобы он хоть немного бережнее относился к ней.

– А чё ей надо в учёбе? – вмешался Веденей и разом разрушил дорогу, которую мостил внутренний голос. – Разве она мужик? Разве этим ей можно зарабатывать, чтобы семья кормилась? Ты глянь на неё: волосы рыжие, глазищи чёрные... Сидит, чему-то ухмыляется!

Веденей невольно взглянул на Раду. – Точно: рыжие волосы и ухмыляется...

– Ты... чего? – Рада подозрительно посмотрела на Веденей. – Восход тебе мешаю смотреть? А песня у тебя хорошая получилась: покажи её отцу!

– Смотри... на здоровье! – само вылетело из уст Веденей, но не осталось без замечаний голосов совести и тела.

– Вот, зараза! – недовольно произнёс внутренний голос. – А какой был восход... И испортила!

– А ты чё думал? – тут же отозвался Веденей. – Да они, бабы, все такие!

– Угу... – негромко вылетело изо рта Веденей.

– Ты, чё, филин? Угукаешь тут... – недовольно произнесла Рада. – Вот так придёшь посидеть на берег реки Ра, рассвет встретить, а некоторые, тут, угукают, как филины!

– Может, её напугать? – осторожно произнёс внутренний голос.

– Ага, её напугаешь! Ты лучше вспомни, как она отделала одного такого напугальщика! – отозвался голос тела Веденей. – Помнишь, на той неделе? Ещё один из учеников Арда решил поухаживать за ней, и напугал её из-за угла... Так она мгновенно сжала свой железный кулак и так врезала по его носу, что ухажёр тут же облился красными слезами! А ей – ничего... Как шла, так и шла. Как будто ничего не случилось... Не зря же её обучают разным бойцовским приёмам!

– Ну и что будем делать? – спросил внутренний голос.

– А ничего! Как сидели и смотрели на реку, так и будем сидеть... – отозвался Веденей.

Меж тем поднялся ветерок, по реке пошли волны. Рыбаки на своих судёнышках вышли на рыбалку. Зашумела листва деревьев, стоящих вокруг.

– Надо идти на занятия! – заволновался внутренний голос. – Того и гляди хватятся...

– А чё беспокоиться? Эта-то здесь! – ответил голос тела, слегка подхихикивая над добросовестным голосом совести.

Веденей кинул последний взгляд на реку Ра и вздохнул. Поднявшись и закинув гусли на спину, он увидел, как Рада тоже молча поднялась, доброжелательно ей кивнув. – Надо идти на занятия...

– А ну, стой! – прямо перед ним выросла фигура здоровенного парня. – Жизнь или кошелёк!

– Да откуда у меня деньги? – прошептал, испугавшись, Веденей. – Я же ученик!

– Тогда отдай её! – приказал ехидным голосом здоровяк, опираясь на дубину, и показывая на Раду.

– А ты кто такой, чтобы за меня решать, что делать? – неожиданно вперёд вышла Рада.

Здоровяк, не ожидавший ничего подобного, от пренебрежения к женскому роду даже дубину опустил и оперся на неё.

– А, ну, брысь! – произнёс он, небрежно кистью правой руки сделав движение изнутри наружу и скорчив пренебрежительную физиономию.

– Что?! – возмутилась Рада. – Да как ты смеешь?!

– А, ну, брысь, отседова, мелочь окоянная... – только и произнёс здоровяк, как Рада неожиданно подпрыгнула и ногой ударила в челюсть здоровяка.

Как оказалось, удар был такой, что здоровяк тут же отпустил дубину и, вскинув руки, отлетел в сторону. Потом он попытался встать, мотая головой, но тут же его ноги подкосились, и снова упал. И больше не вставал.

– Ты где это так научилась драться?– спросил Веденей, хоть как-то оправдывая своё постыдное унижение: ведь по всем правилам школы это он должен был защищать честь девушки.

– А ты вообще молчи! – разгорячённая слишком быстро закончившимся боем, произнесла Рада, ещё находясь в стойке со сжатыми кулаками. Однако, видя поверженного противника, она постепенно отходила от боя. – Не мог девушку защитить... Позор!

Веденей опустил голову: ему действительно было стыдно за своё поведение. Неожиданно он вспомнил, как ловко она ударила здоровяку по челюсти... И ногой! Он даже заулыбался, подняв голову.

– Чего лыбишься? – Рада увидела улыбку Веденей и по-своему истолковала её. – Лучше ба училси драться у мово дядьки!

Повернулась и пошла впереди Веденей, рукой скрывавшего улыбку. – Вот такая у него появилась защитница!

– А ты, правда, шёл бы к дядьке её учиться драться! – неожиданно произнёс внутренний голос.

Подумав, что времени у него свободного мало бывает, Веденей решил, что может, когда-нибудь и начнёт учиться бою у дядьки Рады.

После того, как Веденей на уроке музыки сыграл и спел свою недавно сочинённую песню, он впервые заслужил положительную оценку. Но бою учиться так и не пошёл...

4.

520 год до н.э. Год Дракона. Веденею 18 лет Раде – 12.

Закончив с одними воспоминаниями, услужливая память поместила его в восемнадцатилетний возраст...

... Веденей стоял у реки и смотрел, как поднимается солнышко из-за горизонта, который состоял из прибрежных деревьев. Река Ра, как всегда была широка, и полоска деревьев на горизонте была узенькой неровной чёрной полоской.

Спрятавшееся за горизонт солнышко осветило лишь небольшой кусочек неба. Казалось, что кто-то огромный прошёл с метлой по небу, где-то вычистив место для солнышка, а где-то сгрёб в небольшие кучки небесную грязь из облаков, подсвечивая её снизу из-за горизонта.

– Ну что, наконец-то учёба в школе РАХвов закончилась? – начал донимать всех своими вопросами внутренний голос. – Последний экзамен сдан...

– Да, слава богу Роду, что всё закончилось! – подтвердил Веденей. – Не надо теперь сдавать экзамены по Троян-яге! Помнишь, как Ард заставлял работать с душой, излучать и принимать энергию?

– Не знаю как тебе, но мне больше всего понравилась работа по Костроме-яге! – довольно произнёс внутренний голос. – Здесь и управление волей, выбор пути, диагностика и коррекция энергии. А работа на расстоянии? Ты помнишь, как Ард по этому вопросу поставил пятёрку?

– Конечно, помню, но мне больше всего понравились занятия по Семаргл-яге! – произнёс восхищённо голос тела Веденей. – Целительство, магия... И особо-то не радуйся – впереди у тебя практика...

– Да-а-а... Интересно, куда пошлёт Ард на практику? – задумчиво произнёс внутренний голос и мечтательно добавил. – Вот бы домой...

– Размечтался! – безжалостно произнёс Веденей. – Иди, вон, лучше, порыбачь!

Недавно Веденей подсмотрел, как один из стариков, которого все звали дедом Ярилкой, набрав лозы, сплёл вершу, и, привязав её к дереву, закинул в реку. Подсматривая, Веденей видел, как радостно смеялся старик, выловив несколько небольших рыб с помощью сделанной им удочки и верши.

Желание попробовать рыбалку и испытать те же эмоции долго не покидало Веденей, пока он, набравшись храбрости, не попробовал сплести из лозы такую же вершу. Однако, ничего не получилось с первого раза, со второго, с третьего...

Вот тогда Веденей и понял, что надо этому учиться, и пошёл к тому старику.

Дед Ярлка, увидев парня, который хотел бы научиться плести вершу, не отказал ему, а решил проверить, насколько тот готов пожертвовать мнением о себе как ученике известного мага, и заставил его мести во дворе. И Веденей мёл каждое утро, чтобы в течение недели постичь ремесло плетения вершей. За это время он постиг искусство плетения не только вершей, но и верёвок.

Но больше всего, его зацепило то, что его учитель рыбной ловли шёл не столько за добычей, сколько горел желанием помериться силами с рыбами, живущими в воде!

Поскольку желание деда полностью совпадало с желанием Веденей тоже помериться силами с рыбами, он остался. И Веденей остался ещё на неделю только за тем, чтобы научиться создавать удочку, с помощью которой старик и проверял, кто из них хитрее, быстрее, терпеливее: он или рыба! Вершу же старик считал только средством вытаскивания рыбы из воды.

Удочкой своей дед Ярлка гордился: срезав для удилища ровный и длинный ствол орешника, он умудрился набрать и связать леску на основе волоса из конского хвоста. И выбирал-то он светлых жеребцов, так как считал их волос крепче кобыльего. Связывая и оплавляя узелки, дед получил достаточно длинную уду, которая заканчивалась поплавком из сухой коры, грузилом и крючком.

Вот теперь и Веденей стоял босиком у воды с вершой, рассматривая в воде наилучшее место для неё. Ему не терпелось испытать те же чувства, что испытывал дед Ярлка при рыбалке удочкой, поэтому, недолго думая, он закинул свою вершу туда, откуда смог бы достать её в конце рыбалки.

Взяв свою удочку, он зашёл в реку по колени, надел червячка и закинул уду, разметив глубину поплавком. Колени и руки его от желания поймать что-то необычное испытывали непривычную дрожь. Но поплавок спокойно плыл по реке, уносимый течением, и никаких ныряющих действий не производил.

Веденей вынул уду из воды и осмотрел – ничего необычного не было! Червяк на крючке как был насажен, так и висел, поплавок и грузило были на месте. Тогда он увеличил глубину и снова закинул уду, но на этот раз рядом с травой, которая каким-то образом выбралась на поверхность реки.

Неожиданно поплавок качнулся и опять застыл на месте.

– Так-так... – подумал Вединей и замер.

– И ты думаешь, это рыба пришла? – раздался внутренний голос, ехидно посмеиваясь над новоиспечённым рыболовом.

– Вполне возможно! – отозвался Вединей. – Ей же тоже надо присмотреться сначала. Ты ведь тоже не кидаешь себе в рот что попало, а выбираешь...

– Ну, я – это я... А ты вот скажи, почему она не клюнула? – не сдавался внутренний голос.

– Надо подождать, она же не дура! – ответил Вединей. – Она же видит из воды, как кто-то стоит с удочкой...

– И ты думаешь, что она что-то понимает? – с ехидцей спросил внутренний голос.

– Конечно, понимает! – уверенно отозвался Вединей.

В это время поплавок погрузился немного в воду и опять вынырнул.

– Чего ждёшь? Тяни уду! – нервно заторопил внутренний голос. – Видишь, клюёт!

– Где же клюёт? – возмутился голос тела. – Чтобы клевало, нужно чтобы поплавок скрылся под водой! А тут только один раз: нырнул и вынырнул!

– Зря ты, Вединей, не тянешь, уйдёт ведь! – возмущённо произнёс внутренний голос. – Прозеваешь, уйдёт ведь!

И Веденей дёрнул изо всех сил уду, да так, что она, вылетев из воды, сделала круг и упала ему на спину. Веденей, как ни старался, так и не смог достать до крючка, чтобы вытащить зацепившийся за рубаху крючок.

– Да ты рубаху-то скинь! – вмешался внутренний голос и укоризненно добавил. – Зря ты меня послушал... Надо было дать рыбе заглотить крючок посильнее!

– Не слушай ты его! Холодно утром, простудишься ещё! – возмутился голос тела. – Ты хоть одного рыбака утром видел голым, без рубахи?

– А как, по-твоему, ему крючок достать можно, если он прицепился сзади? – возмутился внутренний голос. – Ему бы выйти на берег, снять рубаху, отцепить крючок и снова надеть её...

Веденей мотнул головой и оба голоса тут же прекратили разговор, а сам он вышел на берег, положил удочку, снял рубаху и отцепил крючок.

– Не надо было дёргать удочку изо всех сил! – произнёс голос тела.

– Но учиться-то надо... – возразил внутренний голос. – Неудача только показывает, что так делать нельзя!

Веденей хмыкнул, взял удочку, нацепил червячка на крючок и, зайдя по колено, снова кинул уду в то же место. Поплавок дёрнулся и пошёл в сторону.

– Тащи! – дружно крикнули оба голоса, но Веденей и без них понял, что надо делать.

Осторожно дёрнув, он почувствовал, как на конце уды что-то сопротивляется подъёму уды из воды. Острая радость кольнула сердце. Оба голоса дружно выдохнули. – Наконец-то! На берег её!

Из воды показалась сначала мордашка рыбы и горб её, а потом и вся она. Повернувшись на пол оборота, Веденей выбросил рыбёшку на берег и сам помчался туда же, не смотря на то, что камни больно резали ноги. Прыгающая на земле рыбёшка, казалось, ждала его мнения.

– Какая здоровая... – отметил радостно второй голос. – Первая...

– Бывают и покрупнее... – ехидно заметил первый. – Если закинуть уду подальше!

Веденей взял в левую руку рыбку, а правая рука сама потянулась к крючку: он видел, как это делал дед Ярилка, и скоро у Веденея возникла новая проблема – куда поместить рыбу, ведь у него ничего такого не было с собой.

– А ты достань вершу и положи её туда! – предложил первый голос. – Вон времени-то сколько: солнышко-то на три кулака поднялось!

Веденей посмотрел на солнце, вздохнул, и, оставив удочку на месте, пошёл доставать вершу. Вытащив её из воды, он увидел трёх раков и довольный своей рыбалкой, вышел из реки...

Однако стоило ему подняться наверх по склону реки к домам, как он услышал. – Эй ты, а ну, стой! Чё энто ты тут шляеши?

Прямо перед ним на самом верху стоял здоровенный молодой парень, лузгая семечки.

– И не шляюсь я! – Веденей не знал, что в этих случаях говорят обычно, и произнёс то, что думал. – Рыбу ловил я...

– Ха-ха... Гляньте-ка... – он выплюнул на Веденея всё то из шелухи семечек, что накопилось к этому времени во рту. – Рыболов новый появился!

Такое обращение Веденею не понравилось и он, нахмутив брови, произнёс. – Шёл бы ты куда-нибудь по добру, по здорову!

– А то што будет? – теперь уже в голосе здоровяка послышалась издёвка. – Побьёшь?

После того случая, что произошёл с ним на кулачном бою девять лет назад, Веденей ни разу не участвовал в кулачных боях.

– Струсил... – подвёл итог размышлений внутренний голос.

– Просто не хотел, да и всё! – спасал своего хозяина голос тела.

– Тебя же здесь учили – учили, а ты? В морду дать нахалу боишься! – не унимался голос совести. – И рыбу и раков ему отдашь? Ведь этого он и ждёт!

– Ага, чтобы опять на щеке шрам остался? – произнёс второй голос, защищая нерешительность своего хозяина. – Учили здесь другому... Как заговоры делать, магические элементы защиты и спасения других...

– А разве кулачному бою тебя здесь не учили? – возмутился первый голос. – Да как ты спасать других сможешь, если себя защитить от такого бугая не можешь?

В это время послышались лёгкие шаги и здоровяк оглянулся.

– Дай ему! Дай ему в морду, пока он оглянулся! – настойчиво потребовал голос тела.

– Это не честно! – возразил голос совести. – Нужно по справедливости: дожидаться, пока он ударит, защититься, как учили, а потом лишь ударить!

Веденей растерялся: он никак не мог решить, кого из них нужно слушать.

Меж тем здоровяк совсем забыл про него: всё его внимание было приковано к Раде, которая из ниоткуда возникла перед ним.

– Отвали! – приказал здоровяк ей, сжимая кулаки и готовясь к бою. – Это мой приз!

– А я чё? – мотнув головой, как будто соглашается с ним, произнесла как-то небрежно Рада. – Я ни чё...

Однако, как только здоровяк опустил руки, Рада подпрыгнула и повернувшись в воздухе ногой ударила его по челюсти. Здоровяк охнул и, наклонившись по ходу движения Рады, полетел на склон, мимо удивлённого Веденей.

– Рыбалкой, говоришь, занимаешься? – как будто ничего необычного не произошло, произнесла она, рассматривая его добычу. – Меня отец послал сказать тебе, что торжественное вручение диплома белого мага тебе вот-вот должно начаться... А ты?

Веденей только мотнул головой.

– Плотвичка, три рака... – с некоторой ехидцей и почти издеваясь, произнесла она, видя его улов. – Да ты молодец! А верша чья?

– Моя... – смущаясь, ответил Веденей, хлопая глазами.

– Сам научился делать или кто сделал? – не унималась Рада.

– Сам... – произнёс Веденей.

– Ну и попадёт теперь тебе от твоего учителя! – ехидно радуясь, произнёс голос тела. – Не послушался... Не дал по морде... Девка и та лучше сработала, чем ты! А теперь...

Неожиданно Рада лукаво посмотрела на Веденей и затянула песню:

Выюн над водой, ой, выюн над водой,

Выюн над водой расстилается.

Жених у ворот, ой, жених у ворот,

Жених у ворот дожидается.

Вывели ему, ой, вывели ему,

Вывели ему вороного коня.

– Это не мое, ой, это не мое,

Это не мое, это батюшки мово.

Вынесли ему, ой, вынесли ему

Вынесли ему сундуки, полны добра.

– Это не мое, ой, это не мое,

Это не мое, это деверя мово.

Вывели ему, ой, вывели ему,

Вывели ему Свет-Настасьюшку.

– Это вот моё, ой, это вот моё,

Это вот моё, Богом суженное.

Выюн над водой, ой, выюн над водой,

Выюн над водой расстилается.

Жених у ворот, ой, жених у ворот,

Жених у ворот дожидается...

В этот день Веденей получил назначение практиковаться на юг Каменного пояса длительностью на восемь солнцеворотов.

– Ты, случаем не забыл, что тебе до двадцати четырёх солнцеворотов жениться нельзя? – как бы ненароком заметила Рада, прощаясь с ним у ворот школы РАхвов?

– Не забыл... – ответил Вединей.

– Ну, так, через восемь солнцеворотов я приеду к вашему роду русичей Рыси, и напомним о себе! – Рада держала в руке Веденя свою руку, а глаза её были полны слёз и говорили. – Чурбан ты бездушный! Ты что, не понимаешь, что я тебя люблю?

Когда Веденей уехал, Рада прислонила свою голову к столбу ворот. По лицу её текли слёзы, а из уст вырывалось:

– Ой ты, горе мое, горе, горе серое,

Лычком связанное, подпоясанное!

Уж и где ты, горе, не моталось?

На меня, бедную, навязалось!

Я не знаю как быть,

Не достала, как мне горе избыть!

Уж я от горя в чисто поле;

Оглянусь я назад, горе за мной идет,

За мной идет, вослед грозит:

«Уж я выжну, пожну все чисто поле,

А найду я, сыщу тебя, горькую!»

Ой ты, горе мое, горе серое,

Лычком связанное, подпоясанное!

Уж и где ты, горе, не моталось?

На меня, бедную, навязалось!

Я не знаю, как быть,

Как мне горе избыть!

Уж я от горя, – горе за мной идет,

За мной идет, вослед грозит:

«Порублю я, посеку все темны леса,

А найду я тебя, горемычную!»

Ой ты, горе мое, горе серое,

Лычком связанное, подпоясанное!

Уж и где ты, горе, не моталось?

На меня, бедную, навязалось!

Я не знаю, как быть,

Как мне горе избыть!

Уж я от горя – в гробовой доске;

Оглянусь я назад, горе за мной идет,

С топорешечком, со лопаточкой...

– Увидимся ли ещё? – меж тем слёзы из глаз Рады так лились ручейком...

5.

512 год до н.э. год Обезьяны.

Как-то незаметно память Веденя привела его в год нынешний...

За восемь солнцеворотов работы жрецом на южном Каменном поясе, Веденей много и успешно занимался целительством, снимал порчи и сглаз, несколько раз предсказывал успешно будущее.

Приехав на Родину, он сел на берегу реки Великая Ворона и запел, играя на гусях народные песни. Теперь он был у себя дома и душа требовала отдыха... Но почему-то вспомнилась лишь песня прощальная Рады:

Вьюн над водой, ой, вьюн над водой,

Вьюн над водой расстилается.

Жених у ворот, ой, жених у ворот,

Жених у ворот дожидается...

Неожиданно чья-то женская рука ласково легла на его голову, потеряла волосы и продолжила песню:

– Вывели ему, ой, вывели ему,

Вывели ему Свет-Настасьишку...

И Веденей, не веря своим ушам, повернулся и, улыбаясь от нахлынувшего разом счастья, продолжил:

– Это вот моё, ой, это вот моё,

Это вот моё, Богом суженное...

Обнявшись, и смотря друг на друга, они запели:

– Вьюн над водой, ой, вьюн над водой,

Вьюн над водой расстилается.

Жених у ворот, ой, жених у ворот,

Жених у ворот дожидается...

– Я же говорила, что буду ждать окончания практики здесь! – улыбаясь и ничего не боясь, произнесла Рада.

Она, смущаясь от проявленной любви со стороны Веденей, слегка наклонив голову, бессознательно теребила рукой, своевременно убранный с головы Веденей, свои рыжие волосы, спадающие на шею и плечи. Ей было приятно и хорошо от того, что рядом не было никого и можно было без всякой остротки проявлять свои чувства. Правая рука её, ища какого-то убежища, так как глаза Рады были прикованы глазами Веденей, излучающими любовь, бессознательно коснулась шеи своей хозяйки.

– Лапушка моя... Куда же ты? Тут же вода! – только и смог вымолвить Веденей, вставая и пытаясь куда-то идти, и тут же ощутил, как губы Рады закрывают ему его рот. Почувствовав солоновато-сладкий и нежный поцелуй, он совсем забыл про то, чем совсем недавно восхищался.

Рада осторожно отпустила губы своего любимого и чуть-чуть отстранилась от лица Веденей, чтобы видеть его глаза.

– Ну что ты, дурачок мой! – говорили глаза Рады, хитро улыбаясь. – Куда же я тебя теперь одного отпущу? Ага, отпусти тебя одного куда-нибудь, так ты опять во что-нибудь обязательно влипнешь! Вот и сейчас что-то придумал...

Веденей, ощущая запахи свежести, исходящие от любимой, которая уже девять лет овладевала всем его существом, не мог наглядеться на её темно-синие глаза в оправе темных бровей, плавно изгибающихся тонкими линиями вокруг глаз, её нос, изящно кончающийся округлой пуговкой. Но больше всего его восхищала способность Рады как-то смущённо и одновременно – хитро усмехаясь, улыбаться, слегка наклонив голову в обрамлении своих рыжих волос, заплетённых в две толстые косы.

Ничего не говоря, Рада вдруг обняла любимого и положила, поцеловав его в шею, свою голову на его плечо. Руки Веденей сами собой обняли и прижали к её себе. Теперь он вообще забыл, зачем вышел к реке...

Глава 3. Гонец Иданфирса

1.

512 год до н.э. год Обезьяны.

От чувства боли в голове он открыл глаза...

Светловолосая девочка то целует лежащего на земле мужчину, то трясёт за плечи. Слёзы ручьём текут по её щекам.

– Где это я? – Веденей трогает себя рукой. – Ноги целы. Руки целы! Не пойму, где это я...

– Дядюшка-а-а, родненьки-и-и-й! – слышит он женский голос и, ничего не понимая, медленно открывает глаза. Но само то, что уже слышит – это уже хорошо! – Интересно, кто же это меня называет «дядюшкой»? Да ещё женским голосом?!

Невольно начинает вспоминать последние события, но они никак не лезут в голову. – Дядя... Слово-то какое! И все-таки интересно, кто же это такой? Точнее, по голосу – такая?

Открывает правый глаз и видит – девочка! Открывает левый глаз – опять девочка и та же самая... – Кофта белая, сарафан красный, волосы светлые. Смотрит на меня и улыбается! Значит, знает меня... Странно, и кто же это? Где же я тогда?

– Странно всё это... – тревожная мысль холодком пробежала по сердцу Веденея. – Точно! И одета как дочка моего старшего брата – Руська... Сарафан, как у неё, до пола... Может она и есть? И вообще, где я нахожусь?

– Жив! Жив, дядюшка... – произнесла она, вытирая, расшитым красными полосками, рукавом слёзы. – А я уж думала...

– Странно... Она снова называет меня дядюшкой... Точно, это она, Руська – дочка моего брата! – рассуждает Веденей логически и сам удивляется тому, как повернулись дела. – Но почему я её сразу не вспомнил? Даже не узнал сразу...

– Руська, ну чё, дядька-то, твой-то... Очухалси? – слышит он чей-то мужской голос.

Неожиданно Веденей почувствовал сильную боль в голове и сильно поморщился. – Не понял, а это что такое?

Попытался пошевелиться и неожиданно, почувствовав сильную боль уже во всём теле, отключился.

– Непонятно! Что же это такое? – неожиданно перед его глазами возникла картина: мужчина, защищая свою жену, которая держит двух одинаковых малышей, как вихрь носится по полю, и, не касаясь воинов, сбивает их с ног одного за другим, пока не остаётся перед ним никого. Нет, это перед ним нет! А один спрятался за камнем и выжидает!

От этой мысли ему даже как-то страшно стало, и даже открыл глаза. Но новая мысль быстро отогнала первую, заставляя снова их закрыть. Но всё пропало! И картинки больше не было! Он чуть не закричал. – Смотри! Смотри! Он там! За камнем...

И, только открыв глаза, Веденей понял, что всё это ему только приснилось.

Запутавшись окончательно, он решил не форсировать события.

Меж тем девочка, как оказалось, внимательно следила за движениями Веденея.

– Ой-ой-ой, да, дядюшка-то ранен! На голове шишка и кровь всюду... Не иначе, кто-то дубиной ударил... Не может пошевелиться... – тихо произнесла она, рассуждая сама с собой.

Но мужчина, бывший рядом, услышал её слова.

– Веденей ранен? – удивился он, наклонившись к мужчине. – А что, жрецы могут быть ранеными?

Неожиданно в голосе Веденея произошло что-то и теперь всё, что происходило дальше вокруг, он начал воспринимать с какой-то личной позиции.

– Вот так новость! Меня, оказывается, зовут Веденей и я жрец! – удивляется он новому повороту событий. И тут же беззвучно возражает мужчине. – А что, жрецы не люди?

– А что, жрецы не люди, по-твоему? – к его удивлению точно так же произносит девочка, даже не поворачиваясь к крепкому мужчине невысокого роста, целуя в голову раненного.

– Молодец! – впервые он почувствовал к ней некоторое расположение. – И что же ты собираешься делать, племянница жреца Веденей?

– Но ты же внучка жрицы Хлебославы... – усмехается мужчина, как будто услышал мой немой вопрос. – Или она не научила тебя оказанию первой помощи?

– Ба, да она училась у жрицы... – он даже с трудом улыбнулся, но всё-таки ртом шевелить было больно. – Интересно, что же со мной?

– Дяденька Былята, ты именно так дядюшку Веденей нашёл? – подозрительно спросила Руська, оборачиваясь к мужчине.

– Да, так и нашел... Только он лежал лицом вниз... – почему-то начал оправдываться тот. На этот раз мне показалось, что он что-то не договаривает. – Я и перевернул его... Ну, мало ли чё... Увидел, что это твой дядька и бегом к вам!

– Правильно сделал... – усмехнулась она. – А сам-то ты как здесь оказался? Ведь ты месяц назад на юг торговать поехал?

– Дак я тока што приехал! А тута такие вот дела... И у меня самого... Срочные дела... А тута он! – снова, волнуясь от чего-то, начал оправдываться Былята, показывая рукой то на юг, то в сторону общины. – Мне ить к старейшине-воеводе надоть... А тута он!

– К воеводе? – удивлению Веденей не было предела. – Если всем здесь руководит воевода, то что же это за организация? Так это род русинов на берегу Великой Вороны? Выходит, я по-прежнему нахожусь там же, где и был, но только раненный?

– Советы... Воевода... Прошлые и будущее... – и тут в голову ему пришла совсем простая мысль. – Это наша родовая община Рысей? Это в ней есть старейшина и совет старейшин...

– Вот что, дяденька Былята... Ты иди-ка к старейшине и сообщи матушке, что мой дядюшка Веденей болен. Да телегу пришли ко мне! – строго произнесла Руська и тихо добавила. – А я сама им займусь...

Тот поклонился в пояс Руське, повернулся, ухмыльнувшись, и не спеша пошёл к улице с домами.

Взгляд Веденей невольно упал на Быляту. – Так-так... Толстенький, добренький живчик, общительный, всё время жуётся... Привязчив и непредсказуем. Улыбчив, пытается пошутить... Никуда не лезет, ничего ему не надо, находится в потоке, который его ведет. Много ездит, везде свой... Так-так... Тип странника... Но свой ли?

Меж тем Руська потерла ладонь о ладонь и, что-то шепча, приложила их к его сердцу...

Неожиданно Веденей почувствовал сильное тепло, которое начало в его теле разрастаться в местный пожар: пот выступил на лбу и он закрыл глаза... Что она делала дальше, конечно, уже не видел, но вдруг почувствовал, как силы начали возвращаться к нему...

После того, как он отдохнул, открыл глаза и увидел, как Руська с закрытыми глазами и что-то шепча знакомое, водит ладонями над головой. Тут в его голове опять всё помутилось, и он заснул, спокойно и тихо.

Когда проснулся, уже женщина лет пятидесяти сидела рядом и наблюдала за ним. Руська же стояла за ней и наблюдала за её движениями и словами, стараясь перенять её знания.

– Ну что, Веденей, стало легче? – улыбаясь, произнесла она. – Благодарю вас, отец наш – Род всемогущий и матушка Родина, за то, что вернули тебя к нам!

– Ничего не помню... Но что-то мне очень знакомо в ней... Кто же это? И она благодарит бога – Рода и матушку Родину, как и я... – на лице его невольно появилась улыбка, потому что женщина внимательно и ласково посмотрела на него.

И тут же другая мысль влетела в голову. – И правильно, что благодарит сразу двоих?! А то вон некоторые торговцы с юга про одного какого-то другого бога говорят...

Повернув к ней голову, боли он совсем не почувствовал. Повернулся на бок – то же самое. Сел – лишь легкое недомогание почувствовал в теле.

– Что это на мне? Белая холщовая рубаха... Такие же штаны... Мягкая кожаная обувь на ногах... Это что за одежда у меня? – удивляясь своей одежде, шупает её.

– Давай, вставай, сынок! Я тебе помогу... – радостно произнесла женщина и быстро, как пушинка, соскочила со своего места, протягивая ему руку. Но Руська и тут опередила её.

Когда Веденей поднимался, опираясь на их руки, легкое головокружение ещё было, что уже само по себе вызвало значительное уважение к ним. И он невольно улыбнулся.

– Ну, вот, дядюшка... Пойдем! Я только наложу на твою голову повязку... – Руська улыбнулась. – Ты ещё маленько потерпи! Щаз телега приедет!

– Да ладно... Я и так дойду... – он и сам не понял, как это вырвалось, но поскольку уже стоял на ногах, по-прежнему поддерживаемый женщиной и Руськой. И между тем тихо произнёс. – Интересно, а куда же идти-то? И ещё: кто же меня так саданул по голове?

Женщина как-то странно посмотрела на него, видно всё-таки услышала что-то. Меж тем он, взглянув на неё, подумал. – Пойду – ка я туда, куда она поведет...

– Так кто же это так треснул Веденей по голове, что он чуть богу душу не отдал? – этот вопрос начал мучить Хлебославу практически сразу же, как Веденей очухался. – Рассмотрим варианты, у кого могут быть мотивы для этого...

– Допустим, Веденей откуда-то узнал, что кто-то из старейшин творит беззаконие. И поэтому сказал, что рано объединяться... У нас ведь так: как только ты высказался не в ту степь, в которую скачет руководство, ты становишься врагом её. А Веденей мог что-то нагадать и высказать не то... Не зря же я его этому учила? Ну, и на него тут же посылается убийца, чтобы закрыть ему рот... Ладно, допустим, но этого мало. – Хлебослава была явно озадачена случившимся. – Вместе с торговлей на юге, к нам пришли все прелести рыночной экономики...

– Во-вторых, Веденей откуда-то мог узнать, что кто-то из старейшин крупно проворовался или получил крупную взятку. Ну, и чтобы он заткнулся, посылается убийца... Ну, и это у нас появилось... Неплохая версия!

– В-третьих, возможно, Веденей был свидетелем убийства, воровства или крупной взятки кого-то. Ну, и его того... Чтобы не было свидетелей! Тоже неплохо. У нас этим чуть ли не каждый глава или воевода рода страдает! Один род мелахленов чего стоит!

– В-четвертых, увидел случайно порочащую связь, за которую общество может изгнать совсем. Например, кровосмешение между своими, между однополыми или с животными. Вот и получил! Чтобы не интересовался... Сомнительно, но тоже возможно.

– В-пятых, Веденей узнал что-то плохое о соседях рода мелахленов или эрзя, они и тюкнули его, как нежелательного свидетеля... Чтобы не разнохивал! И такой вариант возможен. Так что надо потихонечку всё это выяснить...

Рассуждая так, Хлебослава решила провести своё расследование по этому плану.

– Скажи, матушка, я накануне в совете или ещё где-то при старейшине говорил что-то нехорошее или оскорбительное в адрес старейшины? – поинтересовался Веденей, как только они остались одни. – Или кому-то другому?

– Он что, мои мысли читает? Или тоже хочет узнать, кто это его так... – удивилась Хлебослава тому, что услышала от Веденей то, о чём только что сама думала, а вслух произнесла. – Да ты никогда никому слова плохого не говорил! Во всяком случае, при мне... Тем более нашим старейшинам!

– А может, нагадывал... – сомневаясь в том, что затеял этот разговор, продолжает свой опрос Веденей.

– Да кто может обидеться на тебя за то, что руны так легли у тебя? – засмеялась Хлебослава. – Никогда такого не было!

– Время пришло другое! Теперь старейшинам... Да и не только старейшинам! Многим не хочется знать то, о чём говорят руны... – хотел было сказать он, но вовремя сдержался. – Она всё равно не поймет... Так-так, первый вариант отпадает...

И стал внимательно приглядываться к Хлебославе. – Всё же, молодец у меня мать, хоть и имеет возраст Змеи: русые толстые волосы ещё крепкие, хорошие зубы, не плохая осанка, голос ясный, хоть и не зычный. Говорит четко, кратко и ясно, ничего не запутывает. Ещё обладает силой разума, четко выполняет свой долг жреца Рода Русинов, соблюдает заветы предков. Нетерпимо относится к отступникам...

– А скажи, матушка, воруют ли старейшины? – не удержался он.

– Да ты что, сынок! – возмутилась она и укоризненно посмотрела на Веденей. – У нас отродясь этого не было! Да и зачем это им? Они как все получают по справедливости равные доли от результатов общего труда...

И тут же смутилась от своих же слов.

Веденей даже удивился и усмехнулся. – Вот это да! У нас в Роду нет воровства?! Да не может того быть! Ведь у всех воруют, особенно, старейшины! И, как это ни странно, чем больше они своровали, тем меньше им оказывалось наказание...

– И взятки не берут? – не удержался Веденей.

– А что это такое – взятки? – удивляется Хлебослава.

По её глазам Веденей видит, что она действительно не знает, что такое взятки. – А как же это ей объяснить? И откуда я сам-то это узнал?

Подумав немного, начинает объяснять осторожно. – Ну, это когда кто-то, которому что-то сильно надо, старейшинам дает шкурки или деньги, чтобы разрешили делать то, что ему нужно...

И тут же подумал, усмехнувшись. – Вот это объяснил...

И как будто в поддержку его замудрённости, слышит от Хлебославы. – Мудрено сильно всё это...

– Так-так... Что такое шкурки как средство платежа они знают, но про взятки слухом не слыхивали? – даже не заметил, как из его рта выскочило. – Да как же вы, матушка, живёте? Всё по старинке, а везде такие изменения!

Хлебослава подозрительно посмотрела на раненного. – Веденей, сознайся, ты опять переносился куда-то далеко вперёд по времени?

– Да я и сам не понял куда... Но там, хоть и говорят по-нашему, но вокруг снуют и обдают всех дымом на колёсах машины... Магазины кругом... Заводы у них работали, но перестали: пришла рыночная экономика!

– А что это такое «рыночная экономика»? – подозрительно спросила Хлебослава.

– Это, когда всё продаётся и покупается... Кругом обман... Всем хочется иметь всего побольше и больше денег...

– По справедливости, видать тебя сильно ударили... – улыбаясь и качая головой, ответила она. – Да ты не волнуйся, сынок! Пройдет твоя болячка, вот увидишь! А то вишь, какие мудрёные вещи ты начал говорить! А ты, случаем, лет на двадцать четыре назад не переносился? Ты тогда родился...

– Нет... А что надо было бы? – отвечает он и видит, как тревожны стали её глаза и всё лицо исказилось от страха, и как отрицательно машет она головой, не в силах даже произнести это.

– Пора заткнуться... – подумал он и прекратил всякие расспросы. – Сам расследуй!

Телега появилась, когда Веденей с Хлебославой и Руськой уже были у ворот.

– Ничего не меняется в нашей жизни: там, в будущем, в которое я переносился до удара по голове, автобусы всегда приходят с опозданием! – вспомнив о том, как много общего у при-

бытия автобусов и сравнив их с прибытием телег, хмыкает от удовольствия. – Вечно с опозданием!

– Мой дядюшка Веденей сильно ударился... – войдя в дом, начала Руська говорить, показывая на мою повязку на голове. – Даже память отшибло. Так что не удивляйтесь ничему!

Невысокая стройная молодая девушка, увидев повязку на голове Веденея, тут же кинулась к нему. – Веденеюшка, кто же это тебя? Так!

– И сам бы хотел узнать! – он невольно улыбнулся, ощутив на себе приятный поцелуй в щёку и запах свежего сена.

Меж тем Руська подвела его к столу и усадила.

– Рада, давай, накрывай на стол! – услышал он приказ матушки Хлебославы и увидел, как поцеловавшая его девушка резко повернулась на звук голоса и исчезла.

– Так-так... Значит, эту девушку зовут Рада... – заметил про себя Веденей, слегка улыbnувшись. – Почему-то мне даже стало нравиться общество моей семьи!

Пока Рада ставила еду на стол, никто даже не пошевелился. Когда же она закончила приготовления и села на своё место, все почему-то посмотрели на Веденея.

– Интересно, они что, ждут моей команды начинать? – подумал он и невольно посмотрел на матушку Хлебославу.

– Поскольку Веденеюшка наш сегодня не в себе, позвольте мне поблагодарить наших богов за то, что они дают нам пищу и питьё! – произнесла она и начала благодарственную. – Господь наш, Род всемогущий, и ты, Матушка – Сыра-Земля, Родина наша, спасибо вам за то, что даёте нам еду и питьё!

Все хором, в том числе и Веденей, повторили за ней благодарение богам. Скажу честно, ему это даже понравилось...

– Давайте есть, то, что дают нам боги... – слова Хлебославы прозвучали, как приказ приступить к еде. Никто даже и не помышлял его нарушить.

Веденей ел то, что стояло на столе, и не мог отличить его от обычной пищи, которую ел в каком-то будущем.

В дверь постучали. Через мгновение появился гонец, который, поклонившись, сообщил, что Веденея и Хлебославу вызывают на совет старейшин, а всех – на собрание.

– Сообщи, пожалуйста, Беле, что Веденей получил сильную травму головы, но мы придём вместе! – голос Хлебославы прозвучал тут же в ответ.

Гонец поклонился и вышел. Все тихо и мирно закончили трапезу.

– Ну что, Веденей, нам пора идти на совет, а всем – на собрание... Надо взять с собой руны, вдруг понадобится их совет...

Он удивленно посмотрел на неё, ужасаясь от того, что почему-то ничего в рунах не понимает.

– Да ты не переживай, я тебе помогу, если что! – усмехнувшись, произнесла она, обнимая его за плечи. Скоро у неё в руках оказался мешочек с рунами, который принесла Руська.

В который раз уже он был благодарен той, которая считала его своим сыном, иначе позор ему был бы обеспечен!

Неожиданно Веденей понял, что может одновременно высказывать свое мнение о происходящем то от первого лица и независимо от этого участвовать во всём в третьем лице. Это было непривычно, но интересно.

... Мы вошли в большое помещение. Там былолюдно, и стоял гул. Такой ровный гул, как оказалось, стоял всегда, когда собирали всех общинников. Появление моё с повязкой на голове в этот раз вызвало охи и ахи.

Хлебослава провела меня на небольшое возвышение, в центре которого сидели мужчина и женщина, а по бокам – трое человек с одной стороны и двое человек – с другой. Именно к ним и направились мы с Хлебославой, где нам тут же предоставили место.

– Вот те раз! Старейшин-то двое: мужчина и женщина! – удивлённо и с лёгкой усмешкой тихо произношу, вызвав болезненное выражение у Хлебославы. – Равноправие между мужчиной и женщиной, не так ли? Даже у власти... Это становится интересно... А там, в будущем, все говорили, что такого никогда в нашей истории не было!

– Веденей... Ты как? – не удержалась Хлебослава, головой показывая на рану.

– Нормально... – кивнул я головой. – Не обращай на меня внимания... Если что...

– Говори, Бела... Давай... Мы ждём... – крики из зала нарастали.

Улыбаясь своей популярности, первой взяла слово женщина, сидевшая в центре.

– Наверное, это и есть старейшина... И звать её Бела... По-нашему – белая, что означает спокойная, мудрая... – тихо шепчу про себя, и внимательно рассматриваю вставшую старейшину. – Так, навскидку: ей сорок пять – пятьдесят лет, белое лицо с румянцем, нос с горбинкой у переносицы, глаза карие. Белый с красными вышивками сарафан... Золотые серёжки... Ба, да она никак Львица по гороскопу! Ну, молодцы... Правильно выбрали! Львы обычно бывают хорошими руководителями...

– Общинники! – улыбаясь, обратилась Бела к людям, сидевшим в зале. – Сегодня у нас ещё не начинается летний солнцеворот, но нам приходится подводить итоги за год. Есть тому причины. Поэтому повестка дня такова: во-первых, совет старейшин отчитается перед вами за год. Во-вторых, разберем, что вокруг нас делается. В-третьих, у нас подошло время дачи имен нашим детям, достигнувших двенадцатого летнего солнцеворота... Ну, и, наконец, поговорим о новых проблемах!

В зале захлопали, одобряя повестку дня собрания.

– Первой отчитается... – она повернулась в пол-оборота сначала налево, где сидели мы с Хлебославой, а потом направо, и показала рукой на женщину, сидящую с края. – Стояна!

– Давай, давай... Расскажи-ка нам, как мы вкалываем на земле! – послышалось от женщины во втором ряду из зала.

– И расскажу! – улыбаясь, произнесла она, вставая. – Вот ты, тетка Желана, скажи: как часто на дню ты бываешь в поле? Ведь у тебя нет малых детушек, как у тетки Военег! Четверо детей с ней и все на земле вкалывают от зари до зари, а муж с дедом – на мельнице с утра до вечера! Чем ты занимаешься в это время?

Желана тут же опустила голову.

– Известно чем... – донеслось из зала. – Ей тридцать три летних солнцеворота недавно исполнилось... Вот и трудятся они в это время с Балабаном над четвёртым ребенком!

В зале пробежался шепоток, кто-то засмеялся.

– Ты... Ты, дед Беловод, так не шути! – она резко встала и повернувшись к деду Беловоду, сидевшему в конце зала, и показала кулак. – Дочка у меня в этом году много болела, а ей сегодня имя получать...

– Ладно... Садися... – пронеслось в зале. Желана села и гордо подняла голову. – Вот так вам, мужикам и надо! Нечего соваться в наши женские дела!

– Так, так... Стояна, значит! – шепчу про себя, внимательно рассматривая вставшую женщину. – Молода... Лет двадцать три – двадцать четыре. Хороша собой, внешность приятна... Одета опрятно: бело-красный сарафан с рисунками на подоле... Мужики, наверное, мимо такую не пропустят...

– Всё, что старейшины нам задавали, мы выполнили полностью! – она довольно улыбалась кому-то в зале. – Лён хороший вырастили, и пшеничку...

– Хочу отметить хорошую работу женской бригады. – она посмотрела в зал и начала говорить, показывая пальцем на сидевших в зале женщин. – А именно: Годицы, Военег, Алёнки, Баны, Беляны, Сола и Желаны...

Женщины вставали, смущаясь, как только назывались их имена. Желана встала и, улыбаясь картинно, показав указательный палец вверх, поклонилась залу. Все заулыбались.

– Надо отметить и хорошую работу наших работниц, которым исполнилось по восемнадцать летних солнцеворотов. Это Нежана, Собина, Годислава, Берислава, Гордяна и Соня. Им немного уступали Марья, Милорада, Милонег и Драга, которым по четырнадцать – пятнадцать летних солнцеворотов. – в зале захлопали, оценивая по достоинству трудность работы в поле.

– А чё, мужиков-то в поле не было? – ядовитый голос деда Беловода вызвал несколько смешков в зале. Одетый в старый армяк, с клочком серовато-белых волос на голове, с торчащими седыми волосами и такой же бородой, он был похож на метёлку.

– Были и мужики в поле! – улыбаясь, ответила Стояна.

– Ты, дед Беловод, лучше ба караулил наше зерно... – привстав, ткнула в него пальцем Желана, передразнивая деда и вызывая смешок в зале. – А то ить могут уташшить...

– Среди тех мужиков, которые в поле трудились, надо отметить работу Анбара, Ария, Бразда и Ората. Вспахать такое поле на лосинной сохе – не простое дело! А они это сделали в те короткие сроки, которые дала нам погода!

Все захлопали.

– А я чё говорил? – дед Беловод поднял палец вверх, показывая преимущество мужиков над женщинами. – Чё бы вы без мужиков-то делали?!

– Да, чё с тобой сделаешь? – улыбаясь, огрызнулась Желана, передразнивая деда. – Ты ить лук-то со стрелами не могёшь натянуть, не то што женщину!

В зале засмеялись. Дед, грозя пальцем Желане, спрятался за чью-то спину.

– Хорошими яблоками и ягодами нынче обеспечил нас Алинис, а Смеда – медом... Чего нельзя сказать о работе Гвидона, который не смог обеспечить нас водой в достатке! – произнесла Стояна и голос её зазвучал довольно жестко.

– Я не виноват! Погода была такая... – крикнул ей в ответ Гвидон и опустил голову.

– А ещё я хотела бы отметить работу шестнадцати детей, которые практиковались на поле. Им сегодня исполнилось двенадцать солнцеворотов и мы должны дать им имена... – произнесла это, Стояна села. В зале захлопали, уважая труд земледельцев.

– Я записала, Стояна... – Бела пометила что-то на своей бересте. – Будем думать, как обеспечить вас водой надёжно... Апраксия, твоя очередь!

Среднего роста, молодая и с хорошей осанкой девушка встала и поклонилась сначала старейшинам, а потом – общинникам.

– Двадцать солнцеворотов, уверена в себе, спокойна... – оценивая её, пробормотал Веденей. – Умна... Вишь как сделала: поклонилась сначала старейшинам, а потом – залу... Знает себе цену...

– Наши скотоводы полностью выполнили данные вами задания... – произнесла Апраксия, отыскивая кого-то в зале. – И я тоже хотела бы отметить хорошую работу следующих товарищей... Айка! Встань, пусть на тебя посмотрят!

Молодая девушка в светлом, расшитом красным орнаментом сарафане, смущаясь, поднялась.

– Так вот, благодаря Айке и её умению находить общий язык с лосями и даже доить их, мы смогли предоставить пахарям четверых сильных лосей...

– Точно! Если бы не лоси, мы не смогли бы вовремя вспахать и засеять наши поля! Один лось в три раза больше вспашет, чем четыре быка! – раздалось из зала. – Спасибо тебе, Айка!

– Да чего там... – смутилась она. – Каждый бы так сделал... И не одна я была с ними: Тана мне помогала!

Молоденькая светловолосая девушка, на которую показала Айка, кивнув ей и покраснев, тут же опустила голову. Айка села. Апраксия повернулась к Беле и улыбаясь, кивнула ей.

– Ничего себе... Они что, лосей вместо быков используют? – удивляюсь, внимательно рассматривая девушек, ухаживающих за лосями. – То-то я думал, почему лоси к людям так неагрессивны... А что, из их рогов сохи делают?

– Я хотела бы отметить работу Белавы, Марины, Отрады, Журавушки, Заряны и Яны, ухаживающих за коровьим стадом и обеспечивающих нас молоком. – она задерживала взгляд свой на каждой женщине, которую поднимала и садила, указывая ей рукой. – Учтите, им приходится ухаживать не только за коровами, но и за козами и овцами...

– Я так и думал... – подал свой голос из зала дед Беловод. – Мужикам вы отвели самую трудную и вонючую работу... Убирать за ними...

– Да, дед Беловод, я мужикам отвела самую трудную работу – быть пастухами...

В зале засмеялись, и Апраксия тоже улыбнулась. – К чести сказать, они очень хорошо с этим справились. Так, Говза прекрасно справлялся с коровами, Волелюб, Гордей и Баско – с конями, Баян и Утеш – с овцами, Бажен и Добыш – с козами. В этом году мы начали разводить соколов для охоты на сусликов и за это спасибо нужно сказать Рарогу. А Балабан начал разводить куропаток и это у него неплохо получилось...

– Да, если посмотреть на Желану, то и куропатки должны быть такими же... – пробормотал Дед Беловод, показывая на полноватую Желану, но та всё-таки услышала это. И, поднявшись, показала молча деду кулак.

Все в зале, в том числе и Балабан, засмеялись.

– Ну, Кий, теперь твоя очередь... – произнесла, улыбаясь, Бела.

Большой широкоплечий мужчина спокойно и, немного смущаясь, встал со своего места.

– Ему лет тридцать три – тридцать пять... – рассуждал про себя Веденей, снова оценивая вставшего мужчину, хотя и видит их в первый раз. – Лицо простое, лобные шишки выбиваются из черной с проседью копны волос, борода и усы такого же цвета аккуратно подстрижены, на лице то и дело встречаются черные точки. Кузнец... Руки большие и жилистые, не знают куда деться...

– Могёть оне сами за себя скажут... – смущаясь и по-свойски улыбаясь, произносит он.

– Кий, давай сам... Скажи за нас... – доносится из зала.

– Заданья усе ваши мы исполнили в срок... – произнёс он, кивнув в ответ залу. – И по кузнице... И по строительству... И по мельнице... Ну, не люблю я долго говорить!

– Ты глянь-ка, молодец какой! – рассуждаю про себя, думая о Кие. – Я тоже не люблю долго говорить, особенно без дела! И как это могут делать женщины?!

– Ну, ладно, Кий... Я сама расскажу... – Бела усмехнулась: ничего нового для неё в поведении Кия не было! То, что он не любит долго говорить, это она и сама давно знала. Поэтому за ремесленниками лично проводила догляд.

– А давайте, пусть зал сам скажет, как они работали! – улыбаясь, предложила она. И тут же спросила. – Ну, как работала наша банщица Катерина?

– Хорошо... Молодец... – понеслось со всех сторон.

– А меня она што-то не пустила в баню... – проворчал дед Беловод.

– И не пущу! – встав и повернувшись в сторону деда Беловода, ответила в белом сарафане с вышивкой синего цвета приятная женщина лет тридцати. – Пока не станешь приходить туда в чистом... Как придет, так грязи после него как после десятка мужиков... И всё норовит приходить в женский день!

В зале засмеялись. Катерина села.

– А можа мене так больша нравится... – огрызнулся дед Беловод и спрятался за чью-то спину.

– Ну, а кто может сказать что-то плохое про наших швалей: Домны, Златозарки, Избавы и Ариадны? – спросила она зал. – Дед Беловод, они тебе что-нибудь в этом году шили?

Женщины невольно стали внимательно оглядывать свои сарафаны, а мужики – рубахи.

– Не, не шили... Оне про меня нынче совсем позабыли... – пробормотал дед Беловод. – Им молодых всё подавай!

– Ой, не ври, дед! – возмутилась Домна, полноватая женщина лет тридцати – тридцати пяти. Она, встав, уперлась кулаками в бедра, и показала кулак деду. – К тебе Ариадна ходила, спрашивала... Так ты что ответил? А? Скажи, Ариадна!

– Он сказал, что ему нужна не рубаха, а такая молодая жена, как я... – смущенно ответила молоденькая девушка, лет семнадцати – восемнадцати.

– Ох, дед... Дед! – улыбаясь, напомнила Бела всем в зале. – Да он по старости своей забыл, что у нас браки между своими запрещены!

– И я ховорю... Забыл! – моргая глазами как невинное существо, проговорил дед Беловод, и опять спрятался за чью-то спину.

– Вот это новость! – удивлённо бормочу, совсем забыв, что это – родовая община, и все они имеют кровное родство, но в разной степени.

– А как работали нынче Альдона, Бронислава и Анисья? Наши пряжи? – обратилась Бела к залу, видя, как три женщины нервно вскинули голову вверх. – Дед Беловод, ты где?

– А чё я? – ответил ей дед Беловод. – Чуть чё, так сразу: иде дед Беловод...

– Ну, что ж, раз никто не ругает их, будем считать работу прях хорошей! – она увидела, как тихо вздохнули обе женщины. – А как вам работа нашей прачки Лагоды?

– Чисто стирает... Молодец... – слышалось из зала.

– Интересно, получается: община родовая, а разделение труда имеется... – рассуждаю про себя. – Там, в будущем, так все считали: если есть разделение труда, должна быть и частная собственность. А здесь её нет... Или есть?

– А как вам работа Снежаны? – не унималась Бела. – Её квас вам нравится? Дед Беловод, ты у нас спец по этому вопросу... Что скажешь?

– А чё тут скажешь? – дед вынырнул из-за спины и показался всем. – Как ни придешь к ней за квасом, так только квас и получаешь...

– Не ври, дед! – Снежана, светловолосая девушка лет двадцати семи – тридцати, в белоснежном сарафане и красной вышивке на руках и груди, встав, показала пальцем на деда. – А кто у меня всё время квас с медовухой требует?

Все засмеялись. Снежана, довольная оценкой всеми её работы, села, оглядела зал и тоже заулыбалась.

– Дед, а ты у нас любитель выпивки, оказывается? – повернувшись в сторону деда Беловода, произнесла Желана.

– А кто из мужиков тово не любить... – произнес из-за чьей-то спины дед.

– Жива, а к тебе с той же просьбой дед Беловод или другие не приставали? – просила Бела у сбитеньщицы. Та чуть приподнялась при обращении к ней и взглянула на деда.

– Ну как же... Приставал... – ответила Жива. – Просил сбитень с медовухой... Да где же я ему медовуху-то найду? Он итак с медом...

– Вот так раз! А там, в будущем, говорили, что русские издревле и всегда пили больше всех! А тут наоборот получается... – удивленно шепчу про себя и снова прислушиваюсь к разговору.

– А что вы скажете о работе мельников? – Бела посмотрела на мужиков и рукой приказала им подняться. – Как нынче работали Азалин, Бел, Жилен, Долян и Весел?

– Справно... Молодцы... Старались... – по крикам из зала было видно, что общинники довольны работой мельников. И Бела им кивнула, чтобы те сели.

– А как была обувь? Хорошо ли шили обувь Людин, Белогор, Ирина, и Синеока? А Шемяка и Варун кожу мяли? – бородатые мужики лет тридцати – тридцати пяти встали и посмотрели в зал, а молодая девушка, встав, опустила голову.

– У меня обувка скоро развалится... – подала свой голос одна из девушек в зале.

– Да знаем мы, почему твоя обувь быстро разваливается! – засмеялись обувщики, – Не надо подолгу по лесу шляться! А Синеока уже хорошо шьет обувь!

Девушка благодарно посмотрела на товарищей и улыбнулась.

Но меня почему-то этот вопрос заинтересовал. – А вдруг это она меня по голове? Когда по лесу шлялась?

Но Хлебослава, словно подслушав мои мысли, наклонилась к уху Веденей и тихонько сказала. – Да она к своему разбойнику любиться бежит...

Бела поднимала то печников, то ремонтников, то создателей сох из лосинных рогов, то плотников, то керамиков, даже бондаря подняла – обо всех общинники отзывались хорошо.

Лишь когда она подняла невысокого полного мужчину лет тридцати – тридцати пяти по имени Бахарь, с бегающими глазами и лихорадочно зажимавшего свои ладони, народ как-то заволновался – все ждали, что скажет Бела.

– Ну, что, Бахарь... Не обманывал ли ты общинников, когда выдавал со склада положенное им имущество в оплату труда? – спросила она его.

– Да что ты! Никого не обманул... – невинным голосом произнес Бахарь.

– Врёт он всё... Обманывал... – понеслось со всех сторон.

– Да, вот и здесь, похоже, рыночная экономика начала действовать... – тихо шепчу про себя и вижу как Хлебослава грустно опустила голову.

– Ну, что ж... С этого дня пойдёшь ... – она задумалась.

Стояна отрицательно замотала рукой. – Только не к нам!

– Водовозом! И знай – ты у нас на виду всегда! Будешь работать плохо, получишь еды мало!

В перерыве, когда мы с Хлебославой остались одни, я, чтобы никто не заподозрил меня в чём-то странном, спросил у неё. – Я что-то запутался... Скажи, как у нас оплачивается труд?

– Ты, Веденей, главное, ни о чём не беспокойся... – она посмотрела на меня внимательно и, получив положительный результат, ответила. – По лунным трудодням... Продуктами... И мы получим... Ты не беспокойся! Проголодался, наверное...

Перерыв кончился, в зал вошли семнадцать детей, которым в этом году исполнилось двенадцать летних солнцеворотов, и выстроились перед общинниками.

– Друзья! – Бела показала на юношей и девушек, стоящих перед общинниками. – Перед вами семнадцать молодых людей, которым до конца года исполнится двенадцать летних солнцеворотов. Они прошли раздельное обучение мальчиков и девочек, а сегодня становятся полноправными членами нашей родовой общины. Поэтому в первую очередь родители, и мы должны дать каждому из них имена.

Она посмотрела в зал и, найдя взглядом Брониславу, произнесла. – Первой в ряду стоит ваша, Бронислава и Долян, дочка. Прошу назвать её имя и почему!

Бронислава, улыбаясь, посмотрела на Доляна и сказала. – Мы решили назвать её Светолика! Её лицо излучает свет нам...

Светловолосая голубоглазая девушка, стоящая первой, чуть не подпрыгнула от радости, но, засмутившись, закрыла руками лицо. Все общинники, улыбаясь, захлопали в ладоши...

Бела поднимала родителей девушек и юношей, они называли своих детей именем, которое больше всего подходило им. Одну девушку называли Настасьей из-за того, что она была статной, кого-то называли Ратаем, потому что считали его воинственным. Одному парню досталось имя Голостеп из-за того, что он часто в поле пел песни...

Веденей смотрел на это мирное радостное событие и никак не мог понять, кто же из этих мирных людей мог жреца Веденей так ударить дубиной, что тот оказался на грани смерти. Еще больше его интересовало, почему он это сделал. Так он, рассуждая, и не заметил, как закончилось это мероприятие...

– Ну, друзья... Теперь вы полноправные члены нашей общины и можете идти в зал к вашим родителям! – произнесла Бела и, вздохнув, объявила. – На сегодня всем спасибо! Вы можете быть свободны, кроме старейшин... У нас еще остались не решены два вопроса...

Через несколько минут зал опустел. Остались Бела, как ведущая старейшина, Войнята, мы с Хлебославой, Апраксия, Стояна, Кий, Сида, Ратша и Благомир.

– Друзья... – Бела начала разговор, после того, как все уселись. – Былята вернулся с плохими вестями. Я хочу, чтобы Войнята рассказал вам обо всём, что нам известно...

Войнята встал и вышел в круг, повернувшись лицом ко всем сидящим старейшинам.

– Начну с того, что месяц назад я повторно отправил Быляту на Понт Евксинский. – он посмотрел на Белу и продолжил свой рассказ. – Ещё месяца четыре-пять до этого дошли слухи о том, что за морем вооружается царь персов Дарий, который хочет захватить весь мир. И мы, судя по всему, будем одними из первых.

Все тревожно переглянулись: правильно ли они понимают то, что им говорит Войнята? Один Ратша, сжав кулаки, чуть не подпрыгнул от радости.

– Да, вы правильно поняли... – Войнята вздохнул. – Скоро у наших стен будет хорошо вооруженное войско...

– Да мы их одной левой! – не выдержал Ратша и вскочил. Увидев укоризненный взгляд Хлебославы, которая была его матерью, сел. – Я ж был там, если вы помните! Не было у них таких воинов...

– Не было, да стало... – Войнята вздохнул. – Я понимаю тебя, Ратша! Ты был там десять солнцеворотов назад! За это время там произошли большие изменения... И повторно Быляту туда отправил я не зря, а чтобы он удостоверился в этом. К сожалению, всё подтвердилось...

Наступила тишина.

– Ну, и что же нам делать? – не вытерпела Бела. – Ждать войны? А что мы людям нашим скажем?

– А то и скажем... – Войнята вздохнул и сел на своё место. – Но ты права: надо готовиться к самому худшему и подготовку надо начинать прямо сегодня!

– Давно у нас такого не было... – произнесла Бела. – Но наши былины требуют, чтобы в такое время были избраны уже два старейшины: один занимался мирными делами, другой – военными! Давайте избирать обоих... А ещё есть второй вопрос... Закончим с этим делом, займемся вторым вопросом!

Ратша расправил плечи и гордо посмотрел вперед. – Мол, вот я какой, выбирайте меня! Я старейшина охранителей...

Девушка, скромно сидевшая с краю, вдруг произнесла тихо. – А может нам посмотреть, что скажут руны... Ведь Былята мог и наврать... Ему особо-то нельзя верить!

И все посмотрели на меня.

– Ни хрена себе! – шепчу про себя, подумав о том, что ничего не понимаю в этих рунах, тем более, что официально потерял память. – Вот это влип!

– Веденей сегодня получил травму головы... – произнесла Хлебослава, нежно погладив меня по руке. – Позвольте, это сделаю я сегодня!

И она достала мешочек с рунами и, перемешав их рукой, сказала. – Каждому из вас предстоит вытащить только одну руну и подать её мне! А я объявлю её содержание...

Первой в мешочек опустила руку Бела, помешала и, вытащив руну, подала её Хлебославе. Та, посмотрев на неё, удивилась, побелела, и тихо произнесла. – Непознаваемое... Никто и никогда ранее в моей жизни эту руну не доставал!

Опустив её в мешочек, перемешала снова и подала его Войняте. Тот, опустив руку в мешочек, долго мешал, потом вытащил руну и подал Хлебославе.

– Удивительно... Это та же самая руна... – она снова перемешала в мешочке руны, опустив туда выбранную.

Когда эту же руну выбрала Стояна, у Хлебославы задергался глаз. Но все ещё надеялись, что Ратша выберет другую руну, но и он выбрал чистую, без знака.

Когда Кий вытащил её же, Апраксия возмутилась. – Хлебослава, у тебя там, наверное, только такие руны!

Молча, дрожащими руками Хлебослава вытряхнула все руны перед ними: ни одной повторяющейся не было! Когда, вздохнув обреченно, Бела дала ей знак собирать руны в мешок и продолжить гадание, Хлебослава дрожащими руками под непрерывным надзором старейшин сложила все руны в мешочек.

– Что ж, надо довести дело до конца! – распорядилась Бела. – Да узнать, что же нас ждёт...

Но и остальные тоже вытащили чистую руну. Все замерли, ожидая того, что скажет Хлебослава.

– Эта Руна... – Хлебослава подняла и показала злосчастную руну каждому из старейшин. – Называется руна «Непознаваемое». Пустота – это конец, пустота – это начало... Непознаваемое сообщает вам, что оно пришло в движение в вашей жизни... К происходящему нужно готовиться! Нас ждёт какое-то очень важное известие. Так говорят Руны. Нужно быть мужественным... Каждому из нас придется пройти через испытание... Даже карма каждого из нас может от этого измениться... Ничто не предопределено: нет ничего такого, чего нельзя было бы избежать!

Все замерли, понимая, что в их жизни происходит нечто очень важное...

– Я предлагаю выбрать воеводой Войняту! А старейшиной оставить Белу... – Стояна посмотрела на своего мужа, опустившего голову. – Нам сейчас нужен мудрый стратег и осторожный воин, раз мы имеем дело с Непознаваемым! Ратша хорош был бы в непосредственной битве, а нам сейчас нужна разумная подготовка...

Все переглянулись и некоторые из них даже закивали головами в знак согласия.

– Ну, Хлебослава, молодец! Выручила... А Ратша-то каков? В воеводы рвётся! Может, это он меня по башке-то тукнул? А чё? Ежели я вот так же вытащил бы эту руну и сообщил ему... А он, чтобы никто не узнал! А, может, и не он?

Почувствовав, что заблудился в своих рассуждениях, я решил посмотреть, что же будет дальше...

– Если нет других предложений, давайте, проголосуем! – размышляя над чем-то, тихо произнесла Бела.

– Как это нет? – возмутился Ратша. – Вы что забыли? Ведь я ж из военных мест... Лучше всех знаю обстановку...

– Это ты забыл, что кроме тебя, оттуда и Войнята и Кий! Все вы с рода Кимров аж с самого юга Каменного пояса! – усмехнулась Стояна. – Так что ж, нам надо выбирать того, кто дальше? Вот ты про новых персов слышал... Так скажи, что же это за люди?

Ратша опустил голову, ответить на вопрос Стояны ему было нечем.

– Кто за то, чтобы Бела и Войнята стали старейшинами, прошу голосовать! – голос Стояны зазвучал. Встав с места, она начала считать. – Кто «за»? Семь человек. Кто «против»? Никого. Воздержался? Один... А Веденей не голосовал... Что же получается? Нас восемь, четное число, а это неправильно! Хлебослава, а ты как?

– Я – «за»! – улыбнулась Хлебослава.

– Итак, Бела и Войнята выбраны старейшинами на этот период! – подвела итог Стояна, добавив. – Войнята избран воеводой, и займется подготовкой к Непознанному...

– Что скажешь? С чего начнёшь?

– Я бы сначала перешёл ко второму вопросу, а потом проверил состояние высокого забора вокруг городища... – высказал свою мысль Войнята. – Если пойдут на нас войной, так хоть река и высокой забор им будет преградой!

– А что, тоже правильно! – закивали головой старейшины. – Вот разберёмся со вторым вопросом и начнём огораживаться!

2.

Войнята встал, и уже как воевода, произнёс. – Царь скифов Иданфирс спрашивает нас, пошлём ли мы своих воинов в его войско против Дария, а так же примем ли мы их скифских и сарматских жен и детей, укроем ли их у себя? Гонец царя Инданфирса сейчас отдыхает, но перед отъездом его к роду меланхленов мы должны дать ему свой ответ...

– А чего тут думать, пошлём, конечно, своих воинов! – Ратша даже встал, чтобы выразить свою позицию и желание подраться.

– Не торопись! – Войнята ладошкой показал Ратше, что надо сесть на место. – Мы и так знаем твой боевой характер. А надо всё как следует продумать. Пусть каждый выскажет своё мнение!

В помещении наступила тишина: каждый думал о своём.

– Ведь с юго-востока придёт много людей... Со своими повозками и лошадьми... Их чем-то надо будет кормить... – тихо произнесла Стояна. – А хватит ли у нас запасов?

– Запасов, конечно, не хватит, если уже сейчас не приступить к их сбору и заготовке... – произнесла Бела, отвечая на вопрос Стояны. – Вот тебе со своей бригадой и придётся этим заняться! Надо учесть, что несколько мужчин надо будет отправить в войска к царю Инданфирсу...

– Думаю, что Дарий с собой приведёт большое войско... – Войнята рассуждал сам с собой вслух. – Скифы одни не справятся с ним... Но и нам всех мужиков отправлять на войну нельзя! Кто здесь обороняться останется?

– А давайте объявим добровольный набор на войну! – Стояна встала, и, посмотрев на Ратшу, добавила. – А мы, что хуже мужиков будем? Я тоже пойду на войну, если Ратша пойдёт!

– Остынь, вояка! – Хлебослава встала и, посмотрев на Стояну, которая тут же уселась рядом с Ратшей и, взяв его за руку, добавила. – Добровольный набор на войну – это правильно... Ну, а как же дети и старики? Кто за ними смотреть будет? Это наше будущее! Так что, Стояна, здесь останешься! Тебе и здесь работы хватит... Всем нам хватит... А Ратша и другие добровольцы пусть идут... Войнята, тебе надо немедленно составить список тех, кто должен остаться... Они будут здесь очень нужны и не пускать их на войну! Особенно, это относится к многодетным семьям...

На глазах Хлебославы навернулись слёзы: она понимала, что может потерять на войне не только Ратшу, но и других родственников, которые обязательно изъявят желание быть добровольцами.

– Итак, если я правильно понял, мы объявляем набор добровольцев на войну, с одной стороны, а с другой, начинаем готовиться к войне уже здесь, с приёмом беженцев? – Войнята встал и посмотрел на всех старейшин. – Тогда прошу проголосовать за это!

Проголосовали «за» единогласно. Но, если Ратша тянул руку выше всех, то Хлебослава подняла руку с большой неохотой и низко.

Гонец, получив ответ царю Иданфирсу от рода русинов, поскакал на запад к роду меланхленов. Спокойная жизнь рода русинов закончилась: началась подготовка к войне.

3.

Сегодня день у Серапиты, жрицы рода, с утра не задался: стоило выйти из дома, как на её голову обрушился поток воды. Посмотрев на небо, она увидела, как темно: серая туча, движущаяся быстро на неё слева, стала иметь слегка красный оттенок. Неожиданно внутри быстро перемещающегося облака вместе с красноватым оттенком образовалась светлая дыра, которая постоянно была в движении вместе с окружающими её облаками. Вдруг там мелькнула молния, но не в привычном виде светлой полоски, а осветилось всё красновато-серое облако,

и раздался жуткий гром, ударивший Серапиту по ушам так, что она вздрогнула и присела, согнув колени.

Откуда-то снизу в этом клубке неба появился шлейф светло-серого цвета, который извиваясь, был похож уже не на клубок, а кольцо из сверкающих облаков. Дождь уже не падал, а хлестал и лицо и всё тело, заставляя жрицу думать о том, что впереди её ждёт что-то ужасное. Эти мысли невольно вошли в её голову вместе с чёрным облаком, сменившим красно-серое облако. Чернота своими щупальцами охватила всё небо, не позволяя свету пробиваться через них. Стало темно, как ночью.

– Что же это? Ночь? – воздав руки к предполагаемому месту, где должно было быть солнце, она, со слезами в глазах, спросила. – О, Великая Мать Сыра Земля и вы, Две Змеи, образующие бесконечный коловорот гармонии и движения, скажите, что меня ждёт? К чему я должна готовиться?

И вдруг в её мозгу прозвучал ответ. – Предательство... На смену одному придёт другое...

И, понимая, что нет ничего горше предательства, которое она никогда не любила, Серапита упала на колени и склонила свою голову к ним. Сейчас та самая ночь, которая медленно куда-то уходила вне её тела, пришла к ней в душу... Она, понимая, что предавать могут только близкие и друзья, заплакала, но вскоре слёзы прекратились, давая место надежде, так как должно прийти что-то другое...

Сколько она была в таком состоянии, Серапита не помнила. Только, подняв голову, она обнаружила, что бури уже нет, как нет и дождя. Только пустота, образовавшись в душе, осталась в теле жрицы.

– Что ж, будем ждать нового испытания... – пробормотала она, поднимаясь с колен и отряхивая налипшую траву.

Арбуй, шестидесяти четырёхлетний воевода дружинников рода меланхленов, и Серапита, выслушали гонца царя Иданфирса молча и предложили ему немного отдохнуть, подкрепиться перед дальней дорогой, а сами, собрав своих старейшин, которыми оказались его сыновья и их жёны, сообщили им новость. – Царь скифов Иданфирс спрашивает, дадим ли мы ему воинов в войне против царя персов Дария? А ещё спрашивает, примем ли мы беженцев с юга из племён Тавриды? Что скажете?

Старший сын Арбуя, высокий тридцатилетний бородатый мужчина, одетый, как и все в роду меланхленов во всё черное, внимательно посмотрев на Ашхен, жену среднего из четырёх братьев, незаметно покачал головой.

– Вы чо, сдурели? На войну? – Ашхен вскочила со своего места и обратилась к Хорческе, тридцатилетней жене самого старшего брата. – Хорческа, ты то чего молчишь? У вас с Акасом трое детей! У меня с Арзанакom двое... Тебе что, вдовой в тридцать лет хочется стать? Из-за какого-то скифа?

Хорческа отрицательно покачала головой и положила свою руку на пытающегося встать мужа Арзанака, но говорить ничего не стала.

– А ты, Эльма? – Ашхен обратилась к жене младшего брата Азила. – А ты чего молчишь? Ведь и у вас с Азилom есть дочка! Тебе очень хочется, чтобы какие-то персы взяли её в полон, когда всех нас здесь перебьют! Их вон сколько, а нас? И двух сотен не наберётся!

– Ну, и что ты предлагаешь? – спокойно и несколько отрешенно спросила Эльма.

– А то... Надо уходить отсюда на север! К нашим... – Ашхен вдруг вспомнила, что двенадцать лет назад её, девицу рода борисфенских невров, выдали замуж за Арзанака, и при этом потребовали с него, чтобы берёт её. Поэтому она тут же обратилась к нему. – Арзанак! А ты что молчишь? Не ты ли обещал моему батюшке, что будешь беречь меня до старости? И как это ты сделаешь, если сюда придёт Дарий? И тебя и меня и доченьку нашу... Персы...

Слёзы тут же выступили на её лице.

– Отец! Прости, но я должен выполнить своё обещание, данное отцу Ашхен... – Арзанак встал, поклонился отцу и отвернулся от стыда, что так поступает. При этом незаметно подмигнул своей жене.

– Отец! Но и мне тоже придётся уйти с Хорческой в её края... – Акас изобразил на своём лице большое сожаление. – Как же я без неё и своей малышки и двух твоих внуков? Кто будет потом продолжателем рода меланхленов?

– И ты, Кандыба, тоже... Как братья? – с пересохшим от волнения горлом, закашлявшись, тихо спросил Арбуй.

– А чо я? Я как братья! – Кандыба даже не встал, хотя и увидел слёзы на глазах у отца.

– Да, вы что? Бросить всё? – Арбуй только представил, что всё это, что было заработано таким трудом, придётся отдать кому-то другому, чуть не поперхнулся и тут же охрип. Но вдруг его глаза заблестели, а рот растянулся в улыбке. – Вот, что, ребята... Я остаюсь! А вы как хотите... И беженцев сюда пущу!

– Так вот о чём меня предупреждало небо... – подумала Серапита, которая никак не могла определиться, какое же решение принять, а вслух сказала. – А вы не боитесь, что, когда вернётесь, ваше место будет занято?

– Не боимся... Ну, вот и хорошо! – спокойно произнёс Арзанак – Мы уйдём, а ты, отец, защищай всё хозяйство до нашего возвращения!

Братья заулыбались, переглядываясь друг с другом: решение было принято!

– Арбуй! – произнесла Серапита, обращаясь к воеводе. – Мы с тобой оба виноваты в том, что оставляем род без защиты... Особенно ты!

– Может, нам объединиться с росичами? Ведь мы когда-то этого хотели... – спросил Арбуй Серапиту. – Нам будет легче всем вместе...

– Обойдутся! Ещё подумают, что мы слабы! Потому и просимся к ним...

Арбуй сокрушенно покачал головой, повернулся и пошёл к выходу.

Обоз с сыновьями и большей частью жителей городища, которые решили поступить так же, как и они, уходил на северо-запад, а Арбуй, сам не зная почему, вышел на вершину кургана на берегу реки, с которого была видна Великая Ворона и дорога к борисфенским неврам. Неожиданно, он почувствовал, как что-то мягкое, влажное и тёплое уткнулось в голень правой ноги. Посмотрев, он увидел черного пса, порвавшего верёвку, которой он был привязан Акасом, старшим сыном Арбуя, чтобы не мешал им собираться в дорогу и про которого потом совсем забыли.

– Ну, что, Черныш, остались мы с тобой вдвоём, если не принимать во внимание Серапиту? – Арбуй, у которого слёзы уже сами собой бежали из глаз, наклонился к псу. Черныш, смотря на Арбуя своими большими черными глазами, будто понимая оставшегося хозяина, несколько раз лизнул его, убирая слёзы. – Ты, думаешь, они вернутся?

Черныш, отвечая на его вопрос, снова принялся слизывать слёзы с щёк Арбуя. Тот опустил голову к своему самому верному другу, который не предал его, как родные сыновья и их жёны. – Будем ждать их?

И преданный пёс дважды гавкнул, глядя в глаза Арбую...

– Дружину мы вам не направим, а для всех беженцев мы открыты! – дала ответ Серапита гонцу царя Иданфирса.

Гонец, узнав решение жрицы и воеводы рода меланхленских воронов, презрительно плюнул на землю у ног Арбуя и поскакал к племени эрзя.

4.

Гонец царя Иданфирса, спешившись с коня, подошёл к дверям городища и крикнул. – Гонец царя Иданфирса к вашей жрице Хурсан!

Дверь открылась и стража пропустила его вместе с конём. Гонец сел на коня и поскакал к большому дому, где он привязал коня и вошёл.

– Гонец царя Иданфирса к жрице Хурсан! – громко произнёс он, оглядываясь вокруг в поисках самой жрицы.

– Проходи, будь гостем! – неожиданно услышал он женский голос откуда-то сбоку и сверху. Тотчас увидел, как сбоку к нему спускается женщина лет сорока, в бело-красной одежде, стройная и подтянутая, с какими-то предметами в руках. – Жить долго царю Иданфирсу! С какой вестью прибыл?

Гонец поклонился ей, зная, что весть принёс плохую – Царь Иданфирс спрашивает, будут ли от вас воины для его войны с царём персов Дарием? И ещё: примите ли вы беженцев от скифов и сарматов в виде женщин и детей со стариками?

– И когда нам нужно выставить свой отряд? Когда Дарий собирается напасть?

Побывав в двух родах, где в одном управляла всем женщина и который не дал его царю ни одного воина, в другом власть принадлежала сразу и женщине и мужчине, а сейчас он с удивлением наблюдал другое женское управление родом Эрзя. Устав от неопределённости, виденной им в предыдущих родах, он с первых же слов понял, что в этом роду, воины будут выставлены. Мало того, жрица хотела бы знать, когда и сколько воинов нужно царю Иданфирсу.

– Через неделю... А как насчёт женщин и детей?

– Передай царю Иданфирсу, он может на нас рассчитывать и по первому и по второму вопросам! Выставим столько, сколько сможем... – Хурсан внимательно посмотрела на гонца, и хлопнула несколько раз в ладоши. Тут же из-за занавески вышли две девушки в бело-красных одеждах и поклонились ей.

– Накормите и напоите гонца царя Иданфирса! И коня его не забудьте... – произнесла она, указывая на стоящего перед ней молодого мужчину.

Девушки поклонились и попросили рукой гонца следовать за ними. Он поклонился жрице и пошёл за ними.

– Значит, руны не ошиблись... – тихо произнесла она. – Надо готовиться к войне. Соберу-ка я старейшин на совет!

Гонец уехал, довольный быстрым решением вопросов, а у жрицы собрались все её старейшины. Обычно мужчины и женщины у неё на совете садились по разные стороны, но в этот раз им было разрешено садиться по парам, что само по себе уже удивило их.

– Удивляетесь, что посадила вместе вас? – без всякого предисловия произнесла она и тут же увидела кивки в знак подтверждения её мыслей. – У меня только что был гонец от царя Иданфирса. Так вот он приглашает нас на войну с царём персов Дарием!

Старейшины переглянулись и снова внимательно посмотрели на неё.

– Так вот, Борич, ты наберёшь из мужчин рода эрзя пять десятков человек и встанешь во главе отряда, который пойдёт на войну в составе войска царя Иданфирса... – она смотрела, как округляются глаза высокого и крепкого старейшины, который отвечал за охрану городища и всех тех, кто в нем проживал. – И не спорь, иначе я рассержусь! Тогда тебе припомню все твои походы на охоту на крупных зверей во время дежурства... Список воинов представишь завтра! Через три дня отъезд к царю Иданфирсу.

Высокий и крепкий Борич весело усмехнулся: он знал свою жрицу и ждал, когда она это ему припомнит. А вот Ширд, его жена, уткнулась лицом в его плечо, тихонечко вытирая слёзы на глазах.

– Ты, Тихомир, возьмишь два десятка мужчин и в глухой тайге среди болот на острове выроешь две-три хорошо укрепленных брёвнами больших землянки на сто человек каждая. Туда мы отведём своих стариков, женщин и детей, а также беженцев женщин и детей, присланных нам царём Иданфирсом. Всё ли ты понял? – она внимательно посмотрела на невысокого бородатого мужчину в красной косоворотке. – Списки тех, кто пойдёт с тобой представишь мне завтра!

– Ты, Гаяна, возмёшь два десятка женщин и пойдёшь с Тихомиром... – она посмотрела на жену Тихомира, высокую и крепкую женщину двадцати шести лет. – Ваша задача – выкопать грунт на величину человеческого роста для землянки, а потом завезти в них запас продуктов!

– А как же наши дети? – не удержалась Гаяна.

– Вот как раз подошла очередь и детей! – чему-то усмехнулась жрица, глядя в глаза Гаяне. Затем она повернулась к Уарзете, молодой девятнадцатилетней жене Бирага, которого та держала за руку. – Ты же, Уарзета, будешь отвечать за всех детей и стариков, которых можешь привлечь к себе в помощники. Как только будут готовы землянки, мы их перевезём и спрячем там.

– Ты, Азамасп, будешь заниматься обороной нашего городища! – жрица посмотрела на двадцатидвухлетнего мужчину, который тут же кивнул ей головой. – Подумай, что нужно ещё сделать для того, чтобы выдержать нападение войск Дария!

– В первую очередь надо углубить брод на Великой Вороне, который ведёт на нашу сторуону! – тихо произнёс Азамасп так, чтобы его Хурсан услышала.

– Вот-вот, и это и ещё! Все остальные старейшины и нужные для этого люди, будут помогать тебе в этом! – произнесла задумчиво жрица. – А я съезжу к русинам и меланхленам, узнаю, что они собираются делать! Всё у меня на сегодня... Приступайте к работе немедленно!

Старейшины поднялись. На их лицах больше не было того весёлого настроения, с которым они пришли к жрице совсем недавно...

5.

Один и тот же восход солнышка Хурсан и Арбуй видели бы с разных сторон, если бы поехали к русичам одновременно. При этом, если для Хурсан солнышко вставало бы слева, то для Арбуя – справа. Но после того, как Серапита приняла решение преодолевать трудности самостоятельно, такое стало невозможно.

Между тем на небе одиноко тянулась длинной полоской одна тучка где-то высоко-высоко. Однако то, как осветилось небо светлой полоской над деревьями, которые то и дело мешали Хурсан наблюдать эту красоту, немного отогрело её замерзшую душу. Постепенно, с одной стороны, небо светлело и окрашивалось в голубой цвет, а с другой стороны, где его всё больше и больше затягивало тучами. То же самое происходило и с её душой, в которую змеей вползала тревога. Приехала она к русичам практически к обеду.

Хурсан была озадачена сложившейся обстановкой и тем, как им придётся противостоять ей. Увидев сосредоточенно думающую о чём-то Хлебославу, они, посмотрев друг на друга, ухмыльнулись. – Ну, не одним нам так плохо!

– Здрава будь, соседка! – без радости в голосе приветствовала её Хлебослава. – Хотелось бы тебя чем-то порадовать, да нечем!

– Будь и ты здорова, соседка! Да и я в том же положении... – голос Хурсан говорил Хлебославе, что её проблемы испытывают и её соседи. – Я пришла посоветоваться, что же лучше предпринять в таком случае...

– Что ж, проходи! Если хочешь, я соберу совет... – эти слова вылетели у Хлебославы как-то автоматически.

– Нет, совет не надо! А вот Войнятины и твои мысли мне хотелось бы послушать. – Хурсан трезво смотрела на события, зная, что в такой ситуации женская логика упускает что-то очень важное. – Я готова рассказать вам и свои мысли!

Хлебослава посадила её за стол и сама села. Ждать Войняту долго не пришлось и скоро представители двух родов, занимавших с востока правую сторону реки Великая Ворона, достали свои берёсты. На правах хозяйки Хлебослава первой начала разговор.

– Уважаемая соседка, в сложное попали мы время... Предлагаю прекратить ссориться по пустякам и подумать о том, как выжить! – произнесла она свое введение и, увидев глаза остальных участников разговора, которые явно говорили о том, что сейчас не время разводить

пустые словеса, сразу же перешла к основному вопросу. – Давайте перейдём к тому, что каждый из нас намеревается сделать.

Она посмотрела на Войняту с Хурсан и неожиданно произнесла. – Даю слово Хурсан! Мужчины должны пропускать даму вперёд!

Хурсан, немного удивлённая таким поворотом событий, достала свою бересту и начала докладывать. – Во-первых, мы отправляем дружину в количестве пяти десятков воинов под командованием Борича в ставку царя скифов Иданфирса. А вы сколько?

– От нас тоже будет дружина в количестве пяти десятков воинов под командованием Ратши. Для этого объявили добровольный набор на войну. – спокойно и по-деловому произнёс Войнята.

– Значит, от нас царю Иданфирсу будут две дружины... – подвёл итог Войнята. – А что решили делать с беженцами скифов и сарматов? Мы решили, что их примем, но конкретного плана пока нет.

– Не знаю, правильно это или нет, но я решила отправить два десятка мужиков под руководством Тихомира на острова у протоков и болота. Там вырыть две-три больших землянки и укрепить их брёвнами. Туда отведём своих стариков, женщин и детей, а также беженцев женщин и детей, присланных нам царём Иданфирсом. Два десятка женщин под руководством жены Тихомира Гаяны должны выкопать грунт на величину человеческого роста для землянки, а потом завезти в них запас продуктов.

– Что же, это очень разумно! – отметила Хлебослава. – А как ты думаешь, Войнята? Не сделать ли и нам такое же?

Войнята согласно закивал головой. – Включу обязательно в план!

– А ещё решили углубить брод на Великой Вороне, который ведёт на нашу сторону... – доложила Хурсан.

– Затратите много сил и времени, а конница с лошадьми всё равно переплывёт! – высказал своё мнение Войнята. – Может, лучше что-нибудь для обороны городища сделать?

Хурсан пометила что-то на своей бересте. – А вы что решили сделать?

– Есть такая мысль поставить поближе в реке заставу там, где войску персов будет легче всего переплывать Великую Ворону. Ну и накрыть их огнём из луков! – Войнята что-то пометил в своей бересте.

Хурсан тоже кивнула и сделала пометку в бересте. – И мы тоже заставу выставим у брода с двух сторон! Может нам снова вернуться к вопросу объединения?

– Я помню: мы, недавно встречаясь, хотели бы объединиться в соседскую общину, выбрать общего воеводу-князя, отдать в собственность не только дома, но и землю, а также средства производства. Веденей тогда выступил против. А по дороге домой кто-то сзади ударил его по голове... – тихо произнесла Хлебослава.

– Ну, и как он сейчас? – Хурсан внимательно посмотрела на Хлебославу.

– Нормально! Хочет идти добровольцем на войну с Дарием, но я не пускаю...

– Кто же его так? – Войнята задумался. – Может это кто-то из наших?

– Пока не ясно... – Хлебослава невольно потёрла одну руку о другую. – Причин оказалось много, а какая из них оказалась фактической, установить не удалось. Важно то, что появилась новая очень большая проблема... Это война с Дарием! Она вновь заставляет нас вместе бороться с ней...

– Думаю, именно поэтому мы здесь! – согласилась с ней Хурсан. – И давайте закончим то, что в прошлый раз не смогли. А для организации борьбы с Дарием, нам нужен человек военный, который смог бы управлять защитой. Без этого мы проиграем! А как род мелахленских ворон?

– Арбуй стар и надломлен предательством своих сыновей. – сокрушённо произнесла Хурсан. – Войнята, ты смог бы взять на себя такую ответственность?

– Что ж... Раз так всё получается... И вы с этим согласны... – Войнята посмотрел в глаза Хлебославы и Хурсан. Увидев, как они согласно качают головами, добавил. – Тогда буду заниматься обороной наших двух родов! Но, сразу же скажу: мне тогда понадобятся от каждого рода по грамотному человеку... Чтобы он знал всё о своём роде и местности!

– Да, мы согласны! – улыбаясь, они кивали головами, понимая, что, наконец, хоть что-то светлое заблестело в этом хмуром утре создавшейся обстановки.

6.

Веденей потихоньку, чтобы не упасть, шел к густому кустарнику возле деревьев у речки, чтобы посмотреть место, где можно будет ставить заставу против персов. Удобно расположившись, начал смотреть на воду и сам не заметил, как прилёг. Смеркалось. Между тем Хлебослава, решившая присматривать за Веденеем, юркнула в кусты и залегла, стараясь не быть замеченной им.

Невольно от усилившейся головной боли, он не заметил, как стал опять двойственно относиться к действительности и начал сам разговаривать с собой.

Через некоторое время, не замечая его, лежащего под обрывом, прикрытого густой листвою кустарника, прошла девушка. Ему же её было плохо видно из-за кустов.

Пройдя несколько шагов, она остановилась, нервно теребя концы платка, явно ожидая кого-то. Красный сарафан, расшитый белым орнаментом по рукам, на груди и по подолу, рыжие волосы с красной повязкой на лбу, карие глаза и небольшая горбинка на носу говорили о том, что перед ним достаточно решительная и придирчивая в выборе жениха девушка.

– Рада! Ты где?

Вединей даже вздрогнул от того, что услышал это имя, но и этот голос тоже уже недавно где-то слышал.

Через минуту на берег к ней выбежал троюродный брат Веденей, крепкий мужчина лет тридцати по имени Гродан, с бегающими глазами и лихорадочно зажимая свои ладони перед грудью. – Рада, любовь моя!

– Гродан, что тебе от меня нужно? – спокойно, даже с каким-то пренебрежением произнесла она. – Иди к своей Избаве и ребёнку... Там и объясняйся им в любви!

– Любимая... Только ты мне нужна! – он бросился перед ней на колени. – Хочешь, я разведусь с ней и брошу ребёнка... Только люби меня!

– Гродан, ты – сумасшедший... – ледяным голосом и отстраненно, нервно поглядывая по сторонам, произнесла она. – Ты мне не нужен! А ты не забыл, что я приехала к Веденее?!

– Хочешь, я тебе столько ткани принесу, что на десяток лет хватит... – он умолял её, пытаясь схватить руку, но она всякий раз отдергивала её.

– Хочешь, я тебя сделаю старейшиной над родом Русинских Рысей... – он, наконец, поймал её руку, и стал целовать.

– Интересно, а как это он собрался делать? – подумал Веденей, внимательно вслушиваясь в разговор, который ему почему-то стал интересен.

– И как это ты собираешься сделать? – усмехнулась Рада, ехидно глядя на своего поклонника.

– Я подкуплю всех старейшин и они выберут тебя... – произнёс он, целуя её руку.

– Отстань! Не верю я тебе... – она отдернула руку, и, повернувшись лицом к реке, произнесла. – Эх, Гродан, Гродан... Как был ты болтуном, так и остался! Ты делом подтверди свои чувства, а такой ты мне не нужен ...

– Ты глянь, какая недотрога! – подумал Веденей о Раде. – Лихо она его отбрила... Но зачем же она тогда здесь оказалась?

Между тем Рада даже и не собиралась уходить, а только прохаживалась туда-сюда по берегу, явно ожидая кого-то. И скоро Вединей увидел ту, кого она ожидала. Это была Избава.

И Рада, её увидев, мгновенно изменилась. Избава шла к реке как раз по той тропке, на которой стояла Рада, но, услышав голоса, тут же легла и спряталась за дерево.

– Гродан, погоди... – голос Рады стал совершенно другим: она и умоляла, и ждала, и страдала. – Погоди, любовь моя...

– Чего тебе? – играя роль верного мужа, ответил холодно он. – Ты разве не знаешь, что у меня есть жена – Избава и двое малых детей?

– Хочешь, я буду им матерью? – неожиданно Рада схватила его за руку и попыталась задержать, ища своими глазами его взгляд.

– Рада! Я ещё не успел забыть тепло своей жены, а ты себя предлагаешь... – произнес холодно он, убирая её руку со своей руки. – Да и дети что мне скажут?

– А ты их не слушай... Люби меня... Я вся твоя... – бормотала она, пытаясь удержать хоть как-то Гродана и высматривая то место, куда спряталась Избава. – Сейчас...

– Да не нужна ты мне! – возмутился он и, рванув рукав, пошел в сторону дома. – Уходи! Я тебя не люблю!

– А кого ты любишь? – со слезами и злостью и лёгкой угрозой проговорила Рада. – Если узнаю... Убью!

Но Гродан уже шел по тропинке дальше. Слышала Избава последние слова Рады или нет, Веденею было неизвестно.

Избава испуганно вскочила на ноги и стала озираться по сторонам. Увидев, что Рада издевательски смеётся над нею, закрыла глаза руками, повернулась, разом сторбившись, и побежала в сторону городища...

– Вот те раз! – подумал Веденей. – Ты глянь-ка, какие страсти развиваются в роду русинских Рысей! Стоило только немного покопаться... Так может это она меня... Того... Дубиной... Такая вполне может!

И замер. Повернувшись, Рада быстро ушла.

Но не успел он подняться, как снова услышал шаги.

Это был высокий, крепкий мужик с копной черных волос и серой от грязи рубахе. Навстречу ему почти бежала Катерина.

– А-а-а... Так вот с кем она встречается! – подумал Веденей и на всякий случай, не зная, что имеет дело с представителем рода Эрзя, почему-то оказавшимся здесь, прекратил даже всякое шевеление.

– Борич! – она подбежала к нему и опустила голову на его грудь, потом приподнялась на цыпочки и поцеловала его в губы. – Любовь моя... Нам надо на время прекратить встречаться...

– Почему, любовь моя... – поинтересовался он и поцеловал её в губы.

– Разведка донесла, сюда скоро войско Дария придёт! А у нас добровольцев в отряд собирают...

– Вот, зараза! – возмутился Веденей про себя. – Мало того, что от родного мужа к любовнику шастает, так ещё и секретную информацию разбалтывает!

– Ну и что? – усмехнулся он. – Что они мне сделают? Они такие же, как и мы! Раз Дарий идёт сюда, я тоже пойду на войну с ним!

– Как что? Убьют! – она посмотрела ему в глаза. – А я не хочу этого... Будь осторожен! Спрячься куда-нибудь...

– Нет, любовь моя, вот теперь я не стану по лесам прятаться: я пойду на войну!

Борич усмехнулся и заулыбался, оценивая то, как о нём беспокоятся. – И это всё? За этим ты меня звала? Пойдём-ка лучше в лесок... Я так соскучился по тебе...

И, не дожидаясь её ответа, сильной рукой обвил её талию и повёл к лесу...

– Вот это мужик! – невольно вырвалось у Веденея. – А она-то? Какова болтушка! И Военеге ничего нельзя сказать, ведь он идёт на войну!

Начало смеркаться. Веденей ещё полежал какое-то время в своём тайнике, из которого хорошо был виден другой берег, переправа и выход не только на берег, но и тропинка в городище. Ему не хотелось, с одной стороны, выдавать себя, а с другой, надо информировать Ратшу. Однако, стоило начать собираться, как он тут же услышал чьи-то шаги. Это снова была та же Рада.

– А что, если она хочет кого-то шлепнуть по голове, как кто-то это сделал со мной? – Веденей уже начал вживаться в чужие проблемы, и такая мысль мгновенно направила к дырке в кустах, из которой он недавно вёл своё наблюдение.

И не зря: как только замаскировался, так через несколько минут услышал незнакомый ритм шагов. Выглянув в дырку в листве, тут же увидел Быляту, а несколько поодаль в кустах ту же женщину, что была раньше. – Вот это да! Ай да Рада... И этот туда же?

– Рада, радость моя... – Былята подошел к ней и поцеловал в щёку.

– Ты думаешь своей головой, когда подаешь мне знаки для встречи? – она была зла и этого не скрывала. – А если нас раскроют? Что будет? Ни тебе, ни мне ничего хорошего это не сулит... Хорошо хоть у нас в роду нет наказаний!

Маленько поостыв, она повернулась к нему. – Ну, говори, зачем позвал?

– Соскучился... По тебе... Твоему телу... – Былята снова полез целоваться, но Рада рукой преградила ему всякое движение.

– С ума сошел? А вдруг увидят? – играя возлюбленную, произнесла она, но уже через мгновение холодно произнесла. – И это всё?

– Нет, моя радость... В определенном тобой месте я заложил новый тебе сарафан, сережки и бусы... Ты рада? – Былята снова попытался поцеловать её, но Рада уклонилась.

– Ты сказал им? – спросила почти шепотом.

– Сказал... Сказал... – он начал трогать её груди руками, но она, ударив по рукам, быстро прекратила его попытки овладеть её телом.

– Ты ещё не заслужил этого... – грубо произнесла она. – Что ещё?

– Уже завтра гиксосы будут здесь... – водя своим языком ниже её уха, произнёс он. – Все твои предложения ими будут учтены...

– А кто такие гиксосы? – с тревогой спросила Рада.

– Да евреи с Понта Евксинского! – как можно небрежнее произнёс Былята. – Принесёшь им книжку и денежки в кармане! Ну что, теперь ты моя?

– Твоя... Твоя... – улыбаясь как кошка, произнесла она. – Только не здесь... Пойдем куда-нибудь подальше в лес...

Они быстро удалились, оставив Веденею много новых вопросов и вызвав бурю эмоций. – Это не родовая община, а черт те что!

Но вспомнив, что по статистике из десяти человек обязательно найдется один непорочный, успокоился: ведь порядочных людей в роду русинов гораздо больше!

– Интересно, кто эти гиксосы? И почему они будут здесь завтра? – меж тем завертелось в его голове. – И что это за место, где припрятаны новый сарафан, сережки и бусы Раде? И вообще, Былята оказывается совсем не таким, как я о нём думал! А Рада? Бабенка-то оказалась не только продажной, но и что-то замыслила... А как я расскажу общинникам, если я того... Ударенный по голове? Они же не поверят моим словам!

Стемнело. Повертевшись по сторонам и подождав немного, Веденей, наконец, выбирался из своего убежища. Теперь он точно знал, где нужно ставить засаду.

7.

Вместе с тем, настороженный родовыми интригами и услышав чьи-то шаги по тропинке, Вединей потихоньку вернулся на то же место, оправдывая себя. – А вдруг я снова что-то узнаю?

Долго ждать не пришлось: два человека недалеко от него появились с разных сторон.

– Ты пгинёс то, что я заказывал? – услышал он приглушенный мужской голос с небольшой картавостью.

– Нет, Шубур... Завтра попробую... — ответил другой мужской голос.

Почему-то второй голос показался Веденею знакомым, но он, как ни старался, никак не мог вспомнить, кому же этот голос принадлежит, пока не выглянул. Недалеко от него стояли два человека: один из них был в чёрно-сером халате с башлыком на голове, а второй совсем не прятался. – Так и знал – Гродан! А тот кто? Кто такой этот Шубур?

– Всё это время он и внучка Хлебославы были дома. А завтра жрица будет собранием руководить, а его самого куда-нибудь опять пошлют! Да Велес с ним! После того, как ему досталось по башке, он ничего не понимает. Спит, где-нибудь! Так вот, завтра будет самый удобный момент. Попробую выкрасть книгу!

– Учти! Ты мне нужен здесь! Никто не должен видеть тебя за этим делом. Пусть это сделает кто-то вместо тебя! – это первая фигура заботилась о будущем своего информатора. – Жди нас завтга, на том бегегу!

– Ишь, ты, святоша хренов! – в голосе Гродана сквозило недоверие. – Тогда давай оплату вперёд! А то возмёмшь «Велесову книгу» и будь здоров! Знаю я вас таких...

– Хогошо, вот твоя оплата! – и Веденей услышал, как что-то несколько раз тихо звякнуло.

– Так-так! Если я правильно понял, то эти двое задумали дело, которое гораздо хуже, чем война... – подумал Веденей и покорёжился. – Мне нужно срочно возвращаться в дом Хлебославы!

Заговорщики исчезли, при том, что один был так и не узнан Веденем. Уже через несколько минут он открывал дверь дома. Но этот разговор запал прямо в душу. Хлебослава появилась в доме гораздо раньше его и, увидев Веденея живым и здоровым, очень обрадовалась. Поужинав, все разошлись по своим местам, а Хлебослава и Веденей направились на кухню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.